
ОНА ГОВОРИЛА ЗА НЕГО
СОФИЯ РАТНАЯ

София Ратная

Она говорила за него

«Автор»
2026

Ратная С.

Она говорила за него / С. Ратная — «Автор», 2026

Вера Мельник привыкла быть голосом других людей. На закрытых переговорах в посёлке Бережки она переводит для Матвея Ордынцева — глухого наследника, который решил вывести мастерскую из семейного фонда. Но в переписке появляются слова, которых он не говорил, записи исчезают, а рядом неизменно оказывается Ася, давняя подруга Веры: она первой замечает угрозу и первой предлагает спасение.Чтобы остановить подмену, Вере придётся усомниться в человеке, которому она доверяла, отказаться от выгодного контракта и признать собственную опасную привычку — решать, какая версия чужих слов будет для всех безопаснее. В посёлке, где работа, тепло и жильё зависят от одной семьи, точный перевод становится не услугой, а границей между помощью и присвоением чужой воли.

© Ратная С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 5
Глава 1. Руки на столе 6
Глава 2. Семейный автобус 14
Глава 3. Сказано иначе 21
Глава 4. Помощь Аси 29
Глава 5. Закрытая комната 38
Глава 6. Два сообщения 48
Глава 7. Ночной стук 55
Конец ознакомительного фрагмента. 60

София Ратная
Она говорила за него

От автора

Иногда человек говорит совершенно ясно, но окружающие всё равно предпочитают услышать удобную версию. Эта книга — о разнице между помощью и присвоением чужого голоса, между заботой и властью, которая просит благодарности.

Перед вами вымышленная история. Её герои, посёлок, фонд и переговоры не имеют реальных прототипов. В центре романа не особенности слуха, а право взрослого человека самому определять свои решения и цену этих решений.

Глава 1. Руки на столе

На въезде в Бережки шлагбаум поднялся раньше, чем Вера успела опустить стекло. Охранник в серой будке посмотрел не на неё, а на белую машину позади, коротко кивнул водителю и только потом сверился с планшетом.

— Мельник Вера Андреевна? — спросил он.

Она подтвердила. Охранник нажал кнопку, хотя преграда уже стояла вертикально, и велел ехать за сопровождающим. Так Вера впервые почувствовала местное правило: решение принималось прежде, чем с тобой начинали говорить.

Белая машина держалась сзади до самого гостевого дома. Бережки оказались не посёлком в привычном смысле, а несколькими улицами, собранными вокруг старой кирпичной фабрики. За высоким забором виднелись новые цеха, дальше — одинаковые двухэтажные дома с тёмно-зелёными крышами. На остановках, мусорных контейнерах и даже на детской площадке повторялся один знак: буква «О» внутри квадрата. На документах, которые Вера получила перед поездкой, такой знак стоял в углу каждой страницы. Фонд Ордынцевых.

Навигатор сообщил, что до места осталось двести метров, и потерял сеть. Вера убрала телефон в сумку. Ей не нравилось приезжать туда, откуда нельзя сразу позвонить, но отменить работу она уже не могла. За первую неделю переговоров обещали столько, сколько обычно приносили три месяца разовых заказов. Вчера отец спросил, сколько ещё будет стоить новый курс. Вера ответила: «Разберёмся», — и оба сделали вид, что это число.

У крыльца гостевого дома её ждала Ася Крылова. Красный шарф, короткая стрижка, две бумажные чашки в руках. Вера не видела её почти полтора года, но Ася обняла так, словно они расстались утром.

— Кофе тебе без сиропа, — сказала она. — Я помню. Чемодан оставляй, Степан занесёт.

От белой машины уже шёл мужчина в куртке с эмблемой фонда.

— Я сама, — сказала Вера.

— У тебя через сорок минут заседание. Здесь от ворот до нужной двери можно полдня знакомиться. Степан, второй этаж, двенадцатая.

Мужчина взял чемодан, не спрашивая. Вера успела удержать только сумку с ноутбуком и папкой. Ася протянула кофе и повела её к соседнему зданию по дорожке, посыпанной мелким гранитом.

— Ты говорила, первое заседание завтра.

— Перенесли. Лев любит, когда люди не успевают подготовить выражение лица.

— Кто перенёс?

— Лев Ордынцев. Старший брат Матвея и председатель фонда. Формально заседание созывает секретарь, но здесь многое формально.

Вера остановилась.

— Мне прислали материалы на завтра. Я ещё не получила окончательную повестку.

— Получишь в переговорной. Не смотри так. Именно поэтому я настояла на тебе. Местные переводчики зависят от фонда, приезжие отказываются жить в Бережках, а Матвей после прошлого заседания больше не хочет работать с теми, кого выбирает брат.

— Он выбрал меня?

Ася отпила из своей чашки и отвела взгляд к фабричной трубе.

— Я дала ему три резюме. Твоё ему подошло.

— Он сам это сказал?

— Написал. Вера, у нас правда нет времени устраивать экзамен моим формулировкам. Ты ему нужна.

Последние слова Ася произнесла мягче. Раньше она умела так же произнести «тебе надо отдохнуть» и через час привезти продукты, лекарства, мастера для сломанного крана. Рядом с ней помощь всегда появлялась немного раньше просьбы. Когда отец Веры попал в больницу, именно Ася нашла сиделку на первую ночь. Вера помнила благодарность и неприятное чувство, будто в её квартире без спроса переставили мебель.

Они пошли дальше. На двери административного корпуса не было вывески, только знакомая буква в квадрате. Ася приложила пропуск дважды: сначала открыла наружную дверь, потом турникет. Для Веры охранник распечатал бумажный жетон с красной полосой.

— Гостевой доступ, — объяснила Ася. — С ним нельзя в цех и архив. Если потеряешь, сразу скажи мне.

— Почему тебе?

— Потому что я веду гостевой дом и списки приглашённых. И потому что служба безопасности будет искать его дольше, чем я.

Вера прикрепила жетон к жакету. Под ним мелкими буквами было напечатано: «Сопровождение обязательно».

Переговорная находилась на третьем этаже. Перед дверью Ася забрала у неё пустую чашку и поправила воротник, как делала в университетские годы перед экзаменами.

— Не сглаживай Матвея, — сказала она. — Они привыкли, что за него говорят удобнее, чем он сам.

— Я не говорю за клиентов.

— Знаю. Поэтому ты здесь.

Внутри стоял длинный стол на двенадцать человек. Окна выходили на мастерскую — невысокий корпус с широкими воротами. За стеклом было тихо, хотя из труб шёл пар. На стене висел экран, рядом — часы без секундной стрелки.

Матвей сидел так, чтобы видеть дверь и всех участников. Тридцать с небольшим, светлая рубашка с закатанными рукавами, тонкий шрам у правой брови. Перед ним лежали блокнот, телефон и три карандаша, выровненные по краю стола. Он поднялся, когда вошла Вера, и поздоровался на русском жестовом языке.

Вера ответила и представилась. Матвей сразу спросил, получила ли она его условия работы.

Она не получила.

Его лицо почти не изменилось, но пальцы замерли над блокнотом. Он повернул телефон экраном к ней. На нём было письмо, отправленное три дня назад Асе и секретарю фонда. Матвей требовал, чтобы переводчик находился в поле его зрения, переводил всё без сокращений, отмечал реплики без установленного автора и не обсуждал заседание с семьёй вне комнаты. Внизу стояла просьба подтвердить получение.

Вера прочла дважды. В её папке этого письма не было.

— Я вижу условия сейчас, — сказала она и одновременно передала смысл Матвею. — С ними согласна. После заседания попрошу переслать мне письмо напрямую.

Матвей указал на пустой стул справа от себя, потом передвинул его на полметра, чтобы между ними сохранялось расстояние. Он не предложил ей занять место рядом как помощнице. Он выбрал точку, откуда мог следить и за её руками, и за лицами остальных.

У противоположного конца стола стоял Лев Ордынцев. Он был намного старше брата и похож на него только прямой линией рта. Костюм без галстука, серебряные запонки, ладонь на спинке председательского кресла. Он дождался, пока Вера сядет, и представил остальных: юрист фонда Инна Савельева, финансовый директор Борис Чалый, секретарь Полина и представитель районной администрации Громов, подключённый по видео. Рядом с Матвеем оставалось место для его юриста Руслана Титова.

Стул пустовал.

Матвей спросил, где Руслан.

Лев посмотрел на часы.

— Он опаздывает. Мы не обязаны задерживать всех из-за человека, который не умеет рассчитать дорогу.

Вера перевела без изменения тона. Матвей достал телефон, набрал сообщение и показал ей: Руслан написал у ворот десять минут назад. Его не пропускают, потому что в списке указан другой номер машины.

— Господин Акимов находится у въезда, — озвучила Вера. — В пропуске ошибка.

Лев повернулся к Асе, оставшейся у двери.

— Проверь.

— Уже проверяю, — ответила та, глядя в свой телефон. — В заявке одна цифра переставлена. Исправят минут через пять.

— Вот видишь, — сказал Лев брату. — Никто его не удерживает.

Матвей ответил быстро. Вера попросила повторить не потому, что не поняла, а потому, что хотела точно удержать порядок: ошибка была в заявке фонда, следовательно, начинать без юриста фонда выгодно только фонду. После повтора она передала фразу целиком.

Инна Савельева раскрыла папку.

— Мы сегодня ничего не подписываем. Это установочная встреча. Присутствие консультанта не обязательно.

Матвей положил обе ладони на стол.

— Он говорит: для него обязательно, — перевела Вера.

Лев сел.

— Хорошо. Пять минут. Заодно госпожа Мельник успеет ознакомиться с правилами конфиденциальности.

Секретарь подала Вере два листа. Первый оказался обязательством не разглашать коммерческие сведения. Второй запрещал выносить из здания любые записи, включая заметки переводчика, и требовал сдать их секретарю после каждого заседания.

— Мои рабочие записи могут содержать сведения, нужные для проверки точности, — сказала Вера. — Я не передаю их третьим лицам, но не могу отдавать одной стороне без согласования с другой.

— Вы не сторона, — заметила Инна.

— Именно поэтому порядок хранения должен быть согласован участниками, а не назначен одной стороной.

Ася едва заметно улыбнулась у двери. Лев этого не увидел. Матвей увидел и перевёл взгляд с неё на Веру.

— До согласования я не буду вести личные записи, — продолжила Вера. — Но тогда заседание должно записываться на видео и запись должна быть доступна Матвею и его представителю.

Инна уже открыла рот, однако Лев поднял ладонь.

— Записывайте. Файл останется на сервере фонда. Доступ по письменному запросу.

Матвей спросил, кто решает, удовлетворить ли запрос.

— Служба безопасности, — ответил Лев.

Матвей усмехнулся. Его жест был коротким: тогда это не доступ, а обещание доступа.

Вера перевела. В комнате наступила первая настоящая пауза. Не техническая, не вызванная ожиданием юриста, а та, в которой люди решали, считать ли прямую фразу грубостью. Раньше Вера иногда помогала таким паузам закончиться: заменяла «обещание» на «возможность», «вы решили за меня» на «мне хотелось бы уточнить». Она называла это сохранением смысла. Сейчас Матвей смотрел на неё, проверяя, не стала ли его фраза удобнее по дороге через её руки.

— Пусть копия автоматически уходит обеим сторонам, — сказал представитель администрации с экрана. — Техника позволяет.

Лев кивнул секретарю.

— Внесите.

Дверь открылась. Вошёл Руслан Титов — невысокий мужчина в мокром пальто, с папкой под мышкой. Он извинился перед Матвеем, не перед председателем, и сразу показал на телефоне фотографию заявки с правильным номером автомобиля.

— Ошибка появилась не у меня, — сказал он.

— Уже исправили, — отозвалась Ася. — Кофе принести?

— Нет, спасибо.

Она вышла и тихо закрыла дверь. Вера проводила её взглядом. Ася получила письмо Матвея, но не переслала условия. Ася отправляла заявку на въезд, но в ней переставили цифры. И Ася же решила обе проблемы прежде, чем кто-либо успел назвать их проблемами. В этом не было ничего страшного. Пока не было.

Заседание начали с вопроса, который в повестке назывался «разделением имущественного участия». На обычном языке Матвей хотел выйти из семейного фонда и забрать свою долю не деньгами, а мастерской, где делали металлическую мебель и работали сорок семь человек. Фонд соглашался обсуждать выход, но считал мастерскую частью единого комплекса: котельная, склады, дорога, охрана и общежитие принадлежали другим компаниям семьи.

Финансовый директор вывел на экран схему. Цветные прямоугольники соединялись стрелками, и почти каждая стрелка заканчивалась словом «фонд».

— Отделить корпус можно на бумаге, — сказал Борис. — В жизни он не проживёт месяца. У Матвея нет отдельного отопления, подъездного пути и договора на электричество.

Матвей ответил, что фонд годами отказывался оформлять отдельные договоры, хотя мастерская платила за услуги.

— Платила по внутреннему распределению, — уточнил Борис.

Матвей попросил показать счета.

— Счета входят в общую отчётность.

Он попросил общую отчётность.

Лев сцепил пальцы.

— Мы опять возвращаемся к недоверию. Отец создал этот фонд, чтобы имущество не растащили по частям. Ты получил мастерскую в управление, потому что хотел своё дело. Никто не мешал тебе работать.

Руки Матвея двигались медленнее, чем в начале. Он сказал: управление, при котором нельзя заключить договор на свет без подписи брата, не является своим делом.

Вера передала каждое слово. Лев посмотрел не на брата, а на неё.

— Госпожа Мельник, я попрошу переводить содержание, а не эмоциональную окраску.

Матвей сразу поднял ладонь, останавливая ответ Веры. Затем спросил брата, какую именно часть тот считает окраской.

— Фразу о моей подписи. Речь идёт о порядке согласования.

Матвей открыл папку и вынул копию письма. На листе виднелась резолюция Льва: «Не согласовано». Ни причин, ни предложений.

— Он показывает ваш отказ заключить отдельный договор на электричество, — сказала Вера. — И спрашивает, как следует назвать вашу подпись, чтобы это не показалось эмоциональной окраской.

Руслан прикрыл рот ладонью. Инна сделала пометку. Лев откинулся в кресле.

— Продолжайте точно, — сказал он Вере.

Это прозвучало как предупреждение, хотя формально было подтверждением её работы.

Через двадцать минут Вера почувствовала, как устали предплечья. Не от самих движений — от необходимости одновременно держать речь, лица, паузы и попытки перебить. В обычной работе у неё была сменщица. Здесь фонд заказал одного переводчика на три часа, будто язык можно обслуживать без перерыва, как настольную лампу.

Она остановила разговор и объявила десятиминутный перерыв.

— Мы только начали, — возразил Борис.

— Я работаю сорок пять минут без смены. Если вам нужна точность, мне нужен перерыв.

Матвей поддержал её. Руслан тоже. Лев посмотрел на часы без секундной стрелки и согласился на семь минут.

В коридоре Ася уже ждала с бутылкой воды.

— Я же говорила, он попробует сделать тебя частью мебели, — сказала она.

Вера выпила несколько глотков.

— Почему ты не переслала условия Матвея?

— Какие условия?

— Письмо про расположение, записи и разговоры вне комнаты. Оно было адресовано тебе.

Ася нахмурилась, забрала у неё пустую бутылку и проверила этикетку, словно искала там ответ.

— Я переслала секретарю. Думала, она включила в пакет.

— Ты могла отправить мне напрямую.

— Могла, если бы у меня был твой рабочий адрес. Я писала на тот, которым ты пользовалась два года назад, письмо вернулось. Потом закрутилась с пропусками.

Это можно было проверить. Вера отметила про себя спросить, не потому что считала Асю лгуньей, а потому что в комнате, где спорили о праве одного человека говорить собственными словами, нельзя было принимать удобные объяснения только по дружбе.

— В заявке Руслана был правильный номер, — сказала она.

— В моей копии тоже. Ошиблись на охране при переносе. Я уже попросила поднять журнал.

— Ты всегда успеваешь попросить раньше всех.

Ася посмотрела внимательнее.

— Это упрёк?

— Наблюдение.

— Тогда наблюдай ещё вот за чем. Лев будет обращаться к тебе вместо Матвея. Инна будет говорить, что перевод — техническая услуга. Борис станет сыпать цифрами, которых не было в материалах. А когда Матвей разозлится, все посмотрят на тебя так, будто ты его разозлила. Я привезла тебя не затем, чтобы ты осталась с этим одна.

— Ты меня не привезла. Я согласилась на работу.

Ася помолчала, затем кивнула.

— Да. Прости. Неудачно сказала.

Она легко коснулась локтя Веры и ушла к лестнице. Из переговорной вышел Матвей. Он остановился в двух шагах, убедился, что Вера смотрит, и спросил, обсуждала ли Ася с ней заседание.

Вера ответила честно: Ася предупредила, что Лев будет обращаться к переводчику вместо него, но содержание сделки они не обсуждали.

Матвей написал в блокноте: «Она любит предупреждать о том, что потом случается».

Вера прочла и подняла глаза.

Он вырвал лист, сложил пополам и убрал в карман рубашки. Это не было сообщением для перевода. Скорее проверкой: оставит ли она увиденное между ними или понесёт подруге.

— До конца перерыва две минуты, — сказала Вера.

Матвей показал: одна. Часы в коридоре спешили.

Во второй части заседания обсуждали не имущество, а порядок следующих встреч. Фонд предложил провести пять заседаний подряд и закончить к пятнице. Руслан настаивал на двух неделях, чтобы получить документы и заказать независимую оценку. Матвей предложил промежуточный срок: три встречи на этой неделе, затем пауза до получения счетов и договоров.

Лев согласился слишком быстро.

— Тогда зафиксируем, что принципиальных возражений против выхода из фонда у Матвея нет и стороны переходят к обсуждению условий передачи мастерской.

Вера замерла на полудвижении. Фраза была построена так, будто отсутствие возражений принадлежало Матвею, хотя выйти хотел именно он, а возражал фонд.

Матвей нахмурился.

— Повторите, пожалуйста, — сказала Вера.

Лев повторил медленнее, почти теми же словами:

— У Матвея нет принципиальных возражений против урегулирования вопроса внутри фонда.

Это уже была другая формула. Не выход, а урегулирование внутри. Вера перевела именно вторую фразу, затем добавила, что первая отличалась по смыслу. Матвей посмотрел на секретаря.

Полина перестала печатать.

— Я записала вторую редакцию, — сказала она.

Руслан потребовал внести обе и отметить исправление. Инна возразила: черновая оговорка не обязана попадать в протокол. Лев устало потёр переносицу.

— Мы собрались договариваться, а не ловить друг друга на словах.

Матвей ответил, что сделка и состоит из слов, которые потом становятся его имуществом или перестают им быть.

На этот раз Вера не смягчила ничего.

К концу встречи стороны согласовали только расписание и список документов. Но когда секретарь вывела черновик протокола на экран, в пункте третьем стояло: «Матвей Ордынцев подтвердил готовность рассмотреть сохранение мастерской в составе фонда при предоставлении расширенных полномочий».

Он этого не подтверждал.

Вера перечитала строку, чувствуя сухость во рту. Возможно, Полина собрала её из нескольких реплик. Возможно, это была привычка писать не то, что сказано, а то, к чему председатель хотел прийти. Ошибка оставалась ошибкой независимо от причины.

— Этот пункт не соответствует переведённому заявлению Матвея, — сказала она.

Секретарь взглянула на Льва.

— Он предлагал обсуждать условия, — произнесла Инна.

— Условия выхода и передачи мастерской. Сохранение в составе фонда он не подтверждал.

Лев обратился к брату:

— Ты готов рассмотреть любые разумные варианты или приехал только объявить решение?

Матвей не ответил сразу. Положил телефон на стол, отодвинул блокнот и снова расправил обе ладони. Теперь Вера поняла смысл этого движения: он освобождал пространство, чтобы никто не мог принять случайный жест за начало реплики.

Затем он сказал, что решение выйти из фонда принято. Обсуждать он готов способ передачи мастерской, сроки и общие службы. Вопрос о сохранении его доли внутри фонда закрыт.

Вера перевела. Лев выслушал до конца.

— Исправьте протокол, — сказал он Полине.

Строка на экране исчезла. Вместо неё появилась другая: «Матвей Ордынцев подтвердил намерение выйти из фонда; стороны обсудят порядок передачи активов и доступ к общим службам».

Руслан попросил сохранить обе версии черновика. Инна закатила глаза, но не спорила.

Когда заседание закончилось, участники один за другим потянулись к двери. Борис продолжал что-то объяснять Льву вполголоса. Представитель администрации исчез с экрана. Полина собирала листы так быстро, будто боялась, что кто-нибудь прочитает их ещё раз.

Матвей задержал Веру. Он показал на её жетон, затем на надпись о сопровождении, и спросил, знает ли она, что без Аси не сможет даже выйти из корпуса через внутренний турникет.

Вера не знала.

— Мне сказали только про запрет на цех и архив.

Матвей кивнул, словно услышал ожидаемый ответ. Набрал сообщение и протянул телефон: «Попросите обычный пропуск. Переводчик, которого водит сторона переговоров, не независим».

— Ася не сторона сделки, — сказала Вера, а затем сама услышала слабость возражения.

Ася работала на фонд. Жила в Бережках. Вела списки гостей. Решала, кто войдёт, где поселится и что получит вовремя. Возможно, именно поэтому Матвей выбрал Веру: не как подругу Аси, а как человека, у которого оставалась жизнь за шлагбаумом.

Она ответила, что потребует другой пропуск до следующего заседания.

Матвей убрал телефон, но не ушёл. Спросил, почему она остановилась на первой формулировке Льва, хотя могла просто перевести повтор.

— Потому что смысл изменился.

Он спросил, всегда ли она отмечает такие изменения.

Вера вспомнила десятки встреч, где берегла темп, настроение, чужое терпение. Вспомнила, как называла профессионализмом способность не превращать каждую неточность в конфликт.

— Не всегда, — признала она. — Но должна.

Матвей принял ответ без благодарности. Это Вере понравилось больше, чем похвала.

В коридоре появилась Ася с её пальто и новым бумажным пропуском.

— Полный гостевой доступ, — сказала она. — Я подумала, тебе надоело зависеть от моего сопровождения.

Матвей посмотрел на Веру. Не торжествующе, не испуганно — внимательно.

Она взяла пропуск. На нём больше не было красной полосы, но внизу мелким шрифтом сохранилось название фонда.

— Кто попросил заменить? — спросила Вера.

— Никто. Я увидела, что вы задержались, и догадалась, о чём речь. Здесь всех приезжих сначала оформляют одинаково. Я исправила.

Снова помощь появилась раньше просьбы.

Они спустились к выходу втроём. У турникета Матвей приложил свой пропуск, Вера — новый. Обе створки открылись. Ася прошла последней, даже не доставая карточку: охранник увидел её и нажал кнопку из будки.

На улице уже темнело. В окнах мастерской зажигался свет, и на несколько секунд за стеклом стали видны рабочие, склонившиеся над длинной металлической рамой. Матвей остановился, посмотрел туда, потом пошёл к остановке.

— Машина довезёт его, — сказала Ася.

Матвей обернулся, прочёл по губам или понял по направлению её взгляда и показал, что поедет автобусом.

— Он всегда так, — вздохнула Ася. — Доказывает независимость там, где можно просто принять помощь.

Вера не стала переводить. Матвей уже отвернулся.

Она смотрела, как он идёт к остановке вдоль ограды фонда, и думала о строке, исчезнувшей с экрана. Её исправили быстро. Настолько быстро, что к утру можно было решить, будто ошибки не существовало.

— Пойдём, — сказала Ася. — Я заказала ужин. Тебе надо позвонить отцу, пока в гостевом доме не перегрузили сеть.

Вера не спрашивала, откуда подруга знает про звонок. Наверное, сама рассказывала по дороге, когда соглашалась на работу. Наверное, Ася просто помнила.

Она пошла рядом, но новый пропуск убрала не в карман жакета, а в отдельное отделение сумки. Туда же положила сложенный лист с расписанием заседаний и написала на обороте одну фразу, пока ещё могла воспроизвести её точно: «Сохранение мастерской в составе фонда».

Запись не доказывала умысла. Она доказывала только то, что Вера услышала.

Для первого дня этого было достаточно.

Глава 2. Семейный автобус

Утром Вера обнаружила, что полный гостевой пропуск открывает дверь столовой, калитку к фабричной площади и турникет административного корпуса, но не даёт права заказать машину.

На стойке гостевого дома лежал планшет с расписанием. В семь сорок пять — автобус до мастерских, в восемь десять — до амбулатории и школы, в девять — кольцевой рейс по Бережкам. Рядом стояла синяя кнопка «Нужна другая поездка». Вера нажала её, выбрала адрес нотариальной конторы в районном центре и получила ответ: «Заявка направлена координатору фонда».

Она попробовала вызвать обычное такси. Приложение долго искало машину, потом показало серую полосу: подача в Бережки недоступна. Второе приложение предложило водителя через пятьдесят две минуты и потребовало указать номер пропуска для въезда.

— Куда собралась? — спросила Ася за её спиной.

Вера обернулась. Подруга держала две тарелки с сырниками и выглядела так, словно вопрос относился к выбору столика.

— Никуда. Проверяю, как отсюда выезжают люди без координатора.

— На автобусе. Или через меня. Если срочно, у фонда есть дежурная машина.

— Именно через тебя?

— Через дежурного координатора. Сегодня это я.

Ася поставила тарелки у окна. За стеклом по дорожке шли дети с одинаковыми синими рюкзаками. На каждом светоотражающем клапане белела буква «О» в квадрате.

— Не начинай собирать обвинение из чайника, автобуса и детских рюкзаков, — сказала она. — Фонд оплачивает транспорт, потому что до районной дороги шесть километров. Школу тоже содержит. Здесь так жили ещё до нас.

— До кого — до фонда или до вашей семьи?

— До нас с тобой точно.

Ася улыбнулась, но Вера не ответила. Вчера вечером она проверила старый рабочий адрес. Письмо Аси с условиями Матвея там действительно было. Оно пришло девять дней назад, а сообщение о невозможности доставки — через несколько секунд. Ася не солгала. Она просто не попыталась связаться другим способом, хотя номер Веры у неё был.

Вера разрезала сырник. Творог внутри оказался ещё холодным.

— Мне нужно увидеть мастерскую до следующей встречи, — сказала она. — Не цех изнутри. Подъезд, отдельный корпус, общие службы. Иначе я буду переводить названия мест, которых не представляю.

— В десять туда идёт кольцевой. Я договорюсь, чтобы тебя провели.

— Не надо договариваться. Если гостевой доступ позволяет, я доеду и посмотрю снаружи.

— Вера, это производство. Там грузовики, погрузчики, сварка.

— Снаружи.

Ася вздохнула и достала телефон.

— Тогда сядешь на остановке у администрации. Выход у старой проходной. Не на конечной: конечная за складом, оттуда пешком неудобно.

— Я запомню.

— Я напишу водителю.

— Не пиши.

Пальцы Аси замерли над экраном.

— Хорошо. Не буду облегчать тебе жизнь без письменного согласия.

Она произнесла это легко, почти шутливо, однако убрала телефон слишком резко. Вера подумала, что раньше приняла бы помощь, чтобы не обижать. Потом потратила бы силы на благодарность за то, чего не просила.

До остановки у администрации было четыре минуты. На стеклянной стенке висела схема Бережков. В центре — фабрика и управление, вокруг — жилые улицы, школа, амбулатория, котельная, мастерские. Разными цветами всё выглядело независимым, пока Вера не прочла мелкие подписи. Перевозчик принадлежал «Орд-Трансу», котельная — «Орд-Теплу», столовая и гостевой дом — «Бережки-Сервису». Под каждой строкой стояло: «Учредитель — семейный фонд Ордынцевых».

Рядом с картой прикрепили объявления. Льготные лекарства выдавались по спискам отдела заботы фонда. Заявления на ремонт жилья принимал жилищный отдел фонда. Запись в школьный автобус подтверждал транспортный отдел. Даже бесплатные занятия в клубе требовали номер работника одного из предприятий группы.

Подошла женщина в зелёном халате поверх пуховика. Она поставила на скамью хозяйственную сумку и заметила, куда смотрит Вера.

— Вам какой автобус?

— Кольцевой. До старой проходной.

— Этот довезёт. Только водителю заранее скажите. Он там, бывает, не открывает, если из цеха никто не просил.

— Остановка есть на схеме.

— На схеме много чего есть.

Женщина сказала это без недовольства, как говорят о ноябрьской грязи. Подъехал небольшой белый автобус с тем же знаком на борту. Внутри было чисто, пахло мокрой одеждой и сладким кофе. Вера приложила пропуск к считывателю. Экран вспыхнул зелёным.

Женщина прошла следом, ничего не прикладывая. Водитель кивнул ей по имени. Двоих мужчин в рабочих куртках он тоже знал. Девушка с коляской показала пластиковую карточку, и водитель подождал, пока она закрепит тормоза. В Бережках автобус был не услугой, а движущейся прихожей: все знали, кто куда едет и почему.

Матвей вошёл у дома с тёмно-зелёной крышей. На нём была короткая кожаная куртка, через плечо висела сумка для документов. Водитель сказал:

— Доброе утро, Матвей Сергеевич.

Матвей увидел Веру, поздоровался и сел напротив, чтобы руки оставались в поле зрения. Он спросил, едет ли она на мастерскую.

Вера подтвердила. Добавила, что хочет увидеть расположение служб до переговоров.

Матвей показал на карту над дверью. На ней старая проходная была отмечена красной точкой, но название остановки заклеили узкой белой полоской. Поверх от руки написали: «По требованию».

— Мне сказали заранее попросить водителя, — сообщила Вера.

Матвей кивнул и поднялся, когда автобус тронулся от следующей остановки. Он подошёл к кабине, дождался, пока водитель посмотрит в зеркало, и показал жестами название места. Водитель перевёл взгляд на дорогу.

— Через склад поедем, — сказал он вслух. — Там выйдете.

Матвей постучал костяшкой по прозрачной перегородке. Затем достал телефон и набрал крупно: «СТАРАЯ ПРОХОДНАЯ. МНЕ НУЖНО В АДМИНИСТРАТИВНЫЙ КОРПУС МАСТЕРСКОЙ».

Водитель мельком прочёл.

— Мне Лев Сергеевич сказал сегодня там не останавливаться. Разгрузка металла.

Матвей написал: «Разгрузка после двенадцати. Я согласовал её».

— Не знаю. У меня распоряжение диспетчера.

Автобус замедлился у поворота. За окном показались кирпичная проходная, шлагбаум и длинный серый корпус. На площадке не было ни грузовика, ни людей в сигнальных жилетах. Только дворник сгребал мокрые листья к бордюру.

Матвей нажал кнопку над дверью. Раздался звонок. Водитель проехал мимо.

Вера увидела, как рука Матвея осталась на поручне. Не бессильно — он удерживал равновесие после поворота. Но весь автобус уже смотрел не на дорогу, а на него. Женщина в зелёном халате отвела глаза первой.

— Остановите, пожалуйста, — сказала Вера.

Водитель взглянул в зеркало.

— Следующая через три минуты.

— Он ясно попросил выпустить его здесь.

— А я ясно сказал: распоряжение диспетчера. Вы кто вообще?

— Пассажир. Я тоже выхожу у старой проходной.

Вера нажала кнопку. Звонок прозвучал второй раз. Водитель прибавил скорость.

Матвей вернулся на место и спросил, зачем она вмешалась.

Вопрос задел сильнее, чем грубость водителя. Вера ответила, что тоже собиралась выйти.

Матвей повторил: зачем она говорила за него, когда его сообщение было написано и прочитано.

Автобус качнуло на яме. Вера ухватилась за край сиденья.

— Потому что он решил сделать вид, будто не понял.

Матвей посмотрел на водителя, затем снова на неё. Показал: тот понял. Именно поэтому не остановился.

Вера хотела сказать, что вслух возражение услышали остальные. Но остальные и без неё видели кнопку, телефон и пустую площадку. Её голос ничего не прояснил. Он только дал водителю возможность перевести разговор с решения Матвея на личность незнакомой женщины.

— Вы правы, — сказала она и повторила жестами. — Я вмешалась без необходимости.

Матвей принял извинение коротким кивком. Затем включил камеру телефона, навёл её на заклеенное название остановки и снял вид через заднее стекло. Проходная быстро уменьшалась.

На конечной водитель открыл двери у ограждённого склада. До административного корпуса мастерской было почти полтора километра по дороге без тротуара. Матвей первым вышел, отошёл от автобуса и сфотографировал номер машины.

Водитель высунулся в дверь.

— Матвей Сергеевич, не раздувайте. Мне смену закрывать. Позвоните брату, если что-то не так.

Матвей повернулся к нему. Показал одну короткую фразу.

Водитель не понял или сделал вид.

— Он сказал, что вопрос не к брату, — перевела Вера только после того, как Матвей посмотрел на неё и указал на водителя. — Вопрос к вам: кто дал распоряжение и где оно записано?

— Диспетчер передал. По рации.

Матвей спросил имя диспетчера.

— Ольга сегодня. Фамилию сами знаете.

Он не знал. Водитель назвал: Круглова. После этого закрыл двери и уехал, обдав их запахом дизеля.

За складом тянулся металлический забор. С одной стороны была грузовая дорога, с другой — канава с тёмной водой. Матвей открыл на телефоне карту и показал короткий путь через калитку. Электронный замок не принял его карточку: красный огонёк мигнул трижды.

Он попробовал ещё раз, затем сфотографировал экран. Вера молчала. Ей хотелось предложить позвонить Асе, но после разговора в автобусе это звучало бы как насмешка.

Матвей набрал сообщение: «Вчера карточка работала».

— Моя тоже не откроет?

Он предложил проверить. Гостевой пропуск загорелся зелёным. Замок щёлкнул.

Вера не толкнула калитку. Получалось, что приехавшая вчера переводчица могла войти на территорию, а руководитель мастерской — нет.

Матвей показал, чтобы она проходила. Сам набрал номер охраны и включил видеосвязь. На экране появился мужчина в форме. Матвей показал карточку, замок и номер калитки. Охранник отвечал голосом; автоматические субтитры путали слова, но смысл был виден: доступ временно ограничен по заявке администрации из-за работ.

Матвей написал, что работ нет и он не получал уведомления. Попросил прислать номер заявки текстом.

Охранник оглянулся на кого-то вне кадра. Связь оборвалась.

Через минуту замок щёлкнул сам. Красный огонёк сменился зелёным.

Матвей открыл калитку и жестом пригласил Веру первой. В его движении не было благодарности. Это тоже было правильно: доступ к собственному месту работы не должен становиться подарком, за который благодарят случайного свидетеля.

У административного корпуса их встретила Инесса, начальница смены. Она знала Матвея и говорила с ним прямо, не поворачиваясь к Вере. Когда быстрых жестов не хватало, печатала на планшете. Вера представилась и сразу уточнила, что сегодня не выполняет заказанный перевод, если Матвей отдельно не попросит. Инесса одобрительно подняла брови.

Они обошли корпус снаружи. Отдельный вход в мастерскую существовал, но дорога к нему принадлежала фонду. Электрический кабель шёл от фабричной подстанции. Труба отопления пересекала общий двор. За забором стояло общежитие, где жили семнадцать работников мастерской. На стене висело объявление: с нового месяца заявления на продление проживания подавать через отдел кадров фонда, хотя трудовые договоры у людей были с мастерской.

— Если фонд не продлит им комнаты, что будет? — спросила Вера у Инессы.

Та напечатала: «Им предложат вакансии на фабрике. Такое уже говорили двоим».

Матвей попросил показать сообщение. Инесса открыла переписку. Там не было прямой угрозы: специалист отдела кадров напоминал, что служебное жильё предоставляется работникам предприятий группы, а статус мастерской после выхода из фонда «требует уточнения».

Вера перечитала дважды. Каждое слово по отдельности было спокойным. Вместе они означали, что спор о доле уже вошёл в чужие кухни и спальни.

Из цеха вышел мужчина лет пятидесяти с термосом. Увидел Матвея, остановился и спросил у Инессы:

— Правда, нас с декабря переводят на фабрику?

Инесса ответила жестами и голосом одновременно: решения нет. Мужчина смотрел на Веру, словно именно у неё мог быть более надёжный перевод будущего.

— А котельную отключат? — спросил он.

Матвей резко повернулся. Попросил показать, откуда это взялось.

— В автобусе говорили. Не сегодня. На вечернем. Если вы отделитесь, ваша труба вроде станет чужая.

Матвей написал на планшете: «Котельная обязана подавать тепло по действующему договору. На переговорах отключение не обсуждалось».

Мужчина прочитал, но спокойнее не стал.

— Договор до Нового года. А потом?

Матвей ответил: он добивается отдельного договора и не подпишет передачу, которая оставит людей без тепла и жилья.

Вера перевела только для мужчины, потому что Матвей указал на неё и получил его согласие. Пока она говорила, почувствовала, насколько легко заменить осторожное «не подпишу такой вариант» уверенным «не допущу». Второе звучало бы утешительнее. И было бы ложью: Матвей не управлял котельной, жильём и дорогой.

Мужчина убрал термос в карман.

— Вы уж договоритесь там. Нам деваться некуда.

Он вернулся в цех. Дверь закрылась, заглушив металлический гул.

Матвей спросил Инессу, кто ездил на вечернем автобусе и когда впервые заговорили об отключении. Она назвала нескольких рабочих и пообещала собрать сообщения без подсказок. Вера заметила эту оговорку — без подсказок. Здесь уже понимали, что любой ответ могут позднее объявить внушённым.

На обратный рейс они вышли заранее. Матвей отправил диспетчеру письменный запрос: остановиться у старой проходной в одиннадцать двадцать и подтвердить получение. Ответ пришёл через семь минут: «Остановка временно не обслуживается по распоряжению администрации фонда».

Он переслал сообщение Руслану. Затем показал Вере.

— Вчера в расписании переговоров стояло посещение мастерской после заседания, — сказала она. — Его отменили?

Матвей открыл письмо. Посещение не отменяли. Его просто не включили в повестку, которую дали Вере.

На дороге показался белый автобус. Он замедлился у проходной, но двери не открыл. Водитель — уже другой — развёл руками и указал вперёд.

Матвей снял это на телефон. Не побежал следом, не стучал по стеклу. Закончил запись так, чтобы в кадре одновременно остались знак остановки, часы на проходной и удаляющийся автобус.

— Пешком? — спросила Вера.

Он показал на служебный фургон мастерской. Инесса могла отправить их до администрации, но для выезда на общую дорогу требовалась заявка транспортному диспетчеру фонда.

Матвей улыбнулся без веселья. Написал: «Можно иметь машину и не иметь поездки».

В итоге они пошли. Дорога огибала склад и поднималась к жилым улицам. Машины проносились близко; после каждой приходилось ступать на мокрую обочину. Матвей шёл быстро. Вера отставала, и он дважды останавливался, но не предлагал нести её сумку.

У первой жилой улицы стоял щит с фотографиями: новая котельная, школьный автобус, отремонтированная амбулатория, детская площадка. Надпись гласила: «Семья — это когда никто не остаётся один».

Под щитом пожилая женщина продавала яблоки из ящика. Матвей купил два пакета, расплатился наличными и один отдал Вере. Женщина спросила, почему он пешком. Он показал на автобусную остановку и отрицательно качнул головой.

— Опять у них что-то, — решила она. — Скажи Льву Сергеевичу. Он наведёт порядок.

Матвей медленно убрал кошелёк. Напечатал на телефоне: «Лев Сергеевич и распорядился».

Женщина прочитала. Лицо у неё изменилось не от удивления, а от страха, что она узнала лишнее.

— Значит, причина есть, — сказала она и принялась перекладывать яблоки.

Они отошли. Матвей спросил Веру, что именно сказала женщина после его сообщения. Вера перевела дословно. Не добавила ни интонацию, ни свой вывод.

У администрации их ждала Ася. Рядом стояла серая машина фонда с работающим двигателем.

— Я узнала, что вас не забрали, — сказала она. — Садитесь, вы оба мокрые.

Вера посмотрела на сухую дорогу, потом на свои забрызганные ботинки. Дождя не было. Мокрыми они могли стать только на обочине у канавы. Ася знала не просто об автобусе — она знала, каким путём они пойдут.

Матвей спросил, от кого она узнала.

— От диспетчера. Я увидела отказ в общей системе и позвонила Инессе.

Он попросил показать время звонка.

Ася рассмеялась, но смех сразу оборвался.

— Ты теперь проверяешь мои вызовы?

Матвей не убрал рук. Повторил просьбу.

Ася открыла журнал. Звонок Инессе был сделан в одиннадцать двадцать семь. Автобус проехал мимо в одиннадцать двадцать две. Всё сходилось.

— Довольны? — спросила она у Веры, хотя проверял Матвей.

— Это не мой вопрос.

— Но ты стоишь с таким лицом, будто поймала меня на месте преступления.

Матвей показал Вере: переведите.

Вера передала Асину фразу и его ответ: никто не обвиняет её в преступлении; он выясняет, почему решение о его передвижении появляется в общей системе раньше, чем сообщается ему.

Ася сжала телефон.

— Потому что здесь сотни людей и десятки машин. Система общая. Если каждый станет лично согласовывать каждую остановку, посёлок встанет.

Матвей ответил, что просил не отдельную машину, а открыть дверь рейсового автобуса на обозначенной остановке.

— Там разгрузка.

Он показал снятое утром видео пустой площадки и сообщение диспетчера. В нём не было разгрузки. Было распоряжение администрации фонда.

Ася посмотрела запись до конца.

— Я разберусь.

Матвей убрал телефон и спросил, почему она всегда предлагает разбираться вместо того, чтобы назвать человека, который уже принял решение.

Вера перевела. На этот раз Ася смотрела прямо на неё.

— Потому что, если я сначала назову человека, вы пойдёте воевать с ним. А если я сначала выясню причину, иногда оказывается, что воевать не с кем.

Матвей ответил: сегодня причина уже названа. Распоряжение администрации фонда. Ему нужно имя.

Ася сказала, что запросит журнал и пришлёт его к вечеру.

— Не тебе, — добавила она Вере. — Ему.

— Хорошо.

Матвей отказался от машины и пошёл в административный корпус. Перед турникетом обернулся и попросил Веру сохранить собственные наблюдения отдельно от его заявления. Он не хотел, чтобы её будущий перевод объявили согласованной версией.

Вера ответила, что так и сделает.

Ася проводила его взглядом.

— Он заставит тебя доказывать каждый вдох, — сказала она.

— Сегодня ему пришлось доказывать право выйти из автобуса.

— Ты думаешь, я этого не вижу? Я здесь шесть лет вытаскиваю людей из решений Льва.

— Почему тогда водитель знал распоряжение, а Матвей — нет?

— Потому что Лев считает предупреждение началом спора. Он сначала делает, потом объясняет. Я как раз пытаюсь отменить это до того, как станет хуже.

Телефон Аси завибрировал. Она прочла сообщение и показала экран Вере. Диспетчер писала: «Ограничение по указанию Л.С. через Бориса. Журнал пришлю».

Лев Сергеевич. Через финансового директора. Значит, Ася снова оказалась права: решение пришло от Льва. И снова доказательство появилось у неё быстрее, чем у самого Матвея.

— Перешли ему сейчас, — сказала Вера.

— Конечно.

Ася нажала кнопку. Вера увидела имя получателя и вложение. На этот раз помощь была прозрачной, своевременной и нужной.

Это почему-то не успокоило.

В комнате гостевого дома Вера записала события по времени. Просьба Матвея. Письменное сообщение водителю. Пустая площадка. Проезд остановки. Отказ карточки. Звонок охране. Второй автобус. Сообщение диспетчера. Она избегала слов «намеренно» и «ловушка». Факты пока не требовали ни того, ни другого.

Отдельно записала собственную ошибку: вмешалась после ясного письменного сообщения Матвея, не получив просьбы о переводе. Затем открыла файл с условиями работы и добавила правило: перевод начинается по прямой просьбе участника или по заранее согласованному порядку, а не потому, что слышащим неловко от паузы.

В шесть вечера Матвей прислал ей копию транспортного журнала. Строка об остановке появилась в семь тридцать две утра: «По просьбе Л.С. временно исключить. Причина — безопасность погрузочных работ». Ни номера заявки, ни срока. В семь сорок одна Ася сказала Вере выходить именно у старой проходной и предложила написать водителю.

Она могла ещё не видеть распоряжения. Могла видеть и рассчитывать решить вопрос одним звонком. Могла просто помнить обычный маршрут.

Вера приблизила снимок журнала. В графе «принял» стояли инициалы диспетчера. В графе «передал» — только две буквы: «АК».

Ася Крылова.

Вера не стала звонить ей. Сначала отправила Матвею один вопрос: знает ли он, кому принадлежат инициалы.

Ответ пришёл быстро: «Не знаю. Узнаю сам».

Она закрыла переписку. За окном семейный автобус остановился точно у гостевого дома. Двери открылись, хотя на схеме здесь не было остановки. Из салона вышла Ася, подняла голову и сразу нашла взглядом окно Веры.

Глава 3. Сказано иначе

К утреннему заседанию на столе лежали три версии вчерашнего протокола.

Первая пришла Вере ночью от секретаря Полины. Во второй Руслан отметил жёлтым семь расхождений. Третью в восемь двадцать разослала Инна с пометкой «согласованная редакция», хотя Матвей её не согласовывал.

Вера распечатала все три и разложила страницы веером. Фраза о выходе из фонда менялась от версии к версии. Сначала: «Матвей Ордынцев подтвердил намерение выйти». Затем: «Матвей Ордынцев обозначил намерение обсудить выход». В согласованной редакции осталось: «Матвей Ордынцев подтвердил готовность обсудить варианты изменения своего участия».

Намерение превратилось в готовность. Выход — в варианты. Решение — в обсуждение.

Каждая замена выглядела мелкой, если смотреть на неё отдельно. Вместе они возвращали сделку туда, откуда Матвей пытался её сдвинуть: к семейному разговору без обязательств.

Вера открыла собственную запись. После встречи она сохранила не видео — Лев запретил личную съёмку, — а точную последовательность реплик с отметками времени. В семнадцать минут третьего Матвей сказал, что решение выйти принято. В семнадцать минут четвёртого Лев спросил, готов ли он рассматривать разумные варианты. Ответ касался способа передачи мастерской, не самого выхода.

В дверь постучали.

Ася вошла с папкой и пакетом из аптеки.

— Ты не отвечаешь с семи.

— Я работаю.

— Я вижу. Отец звонил тебе дважды.

Вера посмотрела на телефон. На беззвучном экране действительно стояли два пропущенных. Следом — сообщение от отца: «Не срочно. Позвони после работы».

— Откуда ты знаешь?

— Он позвонил мне. Испугался, что у тебя опять сеть пропала.

Ася положила аптечный пакет на тумбу.

— Попросил купить его таблетки, пока я буду в районе. Здесь дешевле по карте фонда.

Вера не прикоснулась к пакету.

— У тебя остался его номер с тех времён?

— Он сам набрал. Мы знакомы двенадцать лет, если ты забыла.

— Я не забыла.

Ася заметила разложенные протоколы.

— Снова переписывают реальность?

— Откуда ты знаешь?

— Инна вчера сказала Полине подготовить мягкую версию. Полина пришла ко мне жаловаться, что её заставляют угадывать, какую правду хотят видеть утром.

— Инициалы «АК» в транспортном журнале — твои?

Ася моргнула. Не отвела взгляд, не сделала вид, что не поняла.

— Мои. Я передала диспетчеру просьбу Бориса.

Ответ оказался настолько прямым, что Вера на секунду потеряла следующую фразу.

— В семь тридцать две?

— Примерно. Он позвонил, когда я ехала за хлебом к завтраку.

— А в семь сорок одна ты сказала мне выйти у старой проходной.

— Потому что собиралась отменить распоряжение до десяти.

— Не отменила.

— Борис сослался на Льва. Лев не брал трубку. Я написала водителю, чтобы он остановился хотя бы для тебя, но ты запретила мне писать. Помнишь?

Вера помнила. Ася могла сейчас пользоваться её отказом как оправданием, но последовательность событий не была выдумана.

— Почему ты не сказала, что остановку закрыли?

— Потому что тогда ты позвонила бы Матвею или Руслану, они подняли бы скандал до первого заседания, и Лев отменил бы поездку в мастерскую совсем. Я хотела тихо открыть дверь.

— Ты опять решила за всех, какой риск им можно не знать.

Ася опустилась на край стула.

— Да. Решила. И ошиблась. Но я не закрывала остановку, Вера.

— Я этого не говорила.

— Пока не говорила.

Из коридора донёсся звонок лифта. Ася встала и подтолкнула аптечный пакет к стене.

— Позвони отцу. Он делает вид, что не срочно, когда боится отвлекать тебя. И не оставляй лекарства на солнце.

— Забери их. Я сама закажу.

— Они уже оплачены.

— Верни.

Ася посмотрела на пакет, потом на Веру.

— Ты готова переплатить, лишь бы не быть мне должна?

— Я готова сама решать, кому должна.

Несколько секунд Ася стояла неподвижно. Потом взяла пакет.

— Хорошо. Но отцу объясняй сама.

Когда дверь закрылась, Вера позвонила отцу. Он ответил сразу и сначала спросил, не разбудил ли её.

— Уже девять утра, пап.

— У вас там работа закрытая. Я не знаю, когда вы спите.

Голос у него был обычный. Таблетки заканчивались через четыре дня, не сегодня. Он позвонил Асе потому, что та месяц назад сама предложила помогать, если Вера будет занята в Бережках.

— Месяц назад? — переспросила Вера.

— Ну да. Когда сказала, что устроит тебе хороший заказ.

Вера подошла к окну. Внизу Ася садилась в серую машину.

— Она говорила, что заказ уже мой?

— Сказала, почти договорилась. Верочка, ты не сердись на неё. Она о тебе думает.

Вера пообещала перезвонить вечером и отключилась. Официальное приглашение на переговоры пришло ей две недели назад. Значит, ещё раньше Ася обсуждала её приезд с отцом и предлагала помощь, о которой Вера не знала.

Она добавила этот факт в отдельный файл. Без вывода.

В переговорной изменили рассадку. Матвея посадили торцом к окну, из-за чего утренний свет бил ему в глаза, а руки Веры оказывались на фоне бликов. Вера попросила вернуть вчерашнее расположение.

— Мы всего лишь освободили экран для презентации, — сказала Инна.

— При таком свете Матвею хуже виден перевод.

Лев распорядился опустить жалюзи. Стало темнее, но блики на экране остались. Матвей сам переставил стул Веры и сел под углом. Никто не помогал; никто не мешал. Это заняло сорок секунд, за которые Борис успел трижды посмотреть на часы.

На столе перед Матвеем лежала распечатка транспортного журнала. Перед Львом — только папка со сделкой.

— До повестки, — сказал Руслан, — нам нужно согласовать протокол вчерашней встречи.

— Для этого есть письменные замечания, — ответила Инна. — Не будем расходовать оплаченное время перевода.

Матвей показал, что оплаченное фондом время не даёт фонду права выбирать, какие его слова попадут в документ.

Вера перевела. Инна сделала пометку.

Лев взял третью версию протокола.

— Здесь изложен общий смысл. Ты выразил желание выйти, мы согласились рассмотреть способы изменения участия. Никто не отрицает твоей позиции.

Матвей указал на первую страницу. Ответил: он не выражал желание; он уведомил о решении. Фонд не согласился рассматривать изменение участия; фонд обсуждает порядок передачи доли после выхода.

— Это юридическая оценка, — сказала Инна. — Переводчик не должен превращать бытовую реплику в термин.

Вера почувствовала, как все взгляды переместились к ней. Вчера она бы объяснила различие. Сегодня не стала защищать свою работу вместо содержания реплики.

— Матвей использовал разные формулировки для решения и для способа его исполнения, — сказала она. — Я передала это различие. Если вам нужно уточнить его намерение, вопрос следует задать ему.

Инна повернулась к Матвею и очень медленно произнесла:

— Вы приняли окончательное решение выйти из фонда при любых условиях?

Вера перевела обычным темпом. Матвей ответил: решение выйти окончательное; условия передачи должны быть законными и не оставлять мастерскую без возможности работать.

— Вот, — сказал Лев. — Значит, условия всё-таки есть.

Матвей качнул головой. Вера видела, как он готовит ответ, но Борис уже открыл таблицу на экране.

— Тогда предлагаю перейти к условиям. Первый вариант: Матвей сохраняет долю в фонде, получает расширенную самостоятельность мастерской и право блокировать решения по её имуществу.

Руслан возразил: это не условие выхода, а отказ от него.

— Это вариант урегулирования, — поправила Инна.

Матвей поднял ладонь. Спросил, почему семье легче придумать для него новое право блокировать решения, чем признать его право уйти.

Лев ответил не сразу.

— Потому что после ухода ты разрушишь то, что отец собирал тридцать лет.

Матвей показал на транспортный журнал и спросил, отец ли велел автобусу не открывать дверь.

Лев посмотрел на лист, впервые заметив его.

— Какое отношение автобус имеет к сделке?

Матвей ответил: прямое. Фонд утверждает, что общие службы можно сохранить по договору, и одновременно использует одну из этих служб, чтобы помешать ему попасть на работу.

— Никто тебе не мешал. Была погрузка.

Матвей включил видео пустой площадки. На записи виднелись часы и проезжающий автобус. Потом показал сообщение диспетчера и строку журнала.

Лев коротко взглянул на Бориса.

— Я просил обеспечить безопасность на время разгрузки.

— Разгрузку перенесли, — сказал Борис. — Транспортный отдел не получил обновление.

Матвей спросил, кто должен был передать обновление.

Борис открыл рот, но Ася, сидевшая у стены с папкой гостевого доступа, ответила первой:

— Я.

Она не участвовала в переговорах и до сих пор молчала. Теперь все обернулись.

— Я передала исходное распоряжение, — продолжила Ася. — Потом пыталась получить отмену. Лев не отвечал, Борис сказал не менять маршрут без его подтверждения.

— Мы сейчас не разбираем работу координатора, — отрезал Борис.

— А зря. В журнале мои инициалы, и крайняя опять буду я.

Лев попросил её выйти.

Ася собрала папку, но у двери остановилась.

— Матвей, я пришлю тебе полную выгрузку, не снимок одной строки.

Он ответил, что уже запросил её у диспетчера.

— Тем лучше.

После её ухода Лев объявил транспортный вопрос закрытым до внутренней проверки. Матвей показал: для него вопрос закрыт только после письменного ответа.

— Запишем, — сказала Полина.

Вера заметила, что секретарь на этот раз печатает прямо на общем экране. Строка появилась у всех перед глазами: «М. Ордынцев запросил письменное объяснение временного изменения маршрута автобуса».

Матвей подтвердил текст.

Так мог выглядеть протокол, если его не прятали до ночи: одна фраза, один источник, одно подтверждение.

Основным вопросом стали общие службы. Борис предлагал трёхлетний договор на тепло, электричество, охрану и дорогу, но цена могла меняться по решению правления фонда. Руслан требовал формулу, привязанную к фактическим расходам, и право независимой проверки счетов.

Матвей добавил жильё работников.

— Общежитие не относится к активам мастерской, — сказала Инна.

Он ответил, что семнадцать сотрудников получили комнаты как работники мастерской. Если после выхода их заставят перейти на фабрику ради жилья, фонд фактически заберёт людей вместо станков.

Лев сказал, что никто никого не заставляет.

Матвей показал сообщение отдела кадров со словами «статус требует уточнения».

— Обычное уведомление, — сказал Борис.

— Тогда уточните сейчас, — предложил Руслан. — Жильё сохраняется на срок действующих трудовых договоров независимо от выхода мастерской?

Тишина продлилась дольше, чем требовал перевод.

Лев попросил время на расчёты.

Матвей ответил: именно это и есть давление. На переговорах семья говорит, что угроз нет, а за пределами комнаты люди уже боятся потерять жильё и тепло.

Вера перевела без слова «шантаж». Матвей его не использовал. Инна всё равно спросила:

— Вы обвиняете фонд в шантаже?

Матвей показал: нет. Он называет действия и последствия. Юридические названия пусть даёт его представитель.

Полина напечатала на экране: «М. Ордынцев заявил о давлении на работников угрозой утраты жилья и тепла».

— Стоп, — сказала Вера.

Слово прозвучало громче, чем она хотела.

Полина убрала руки с клавиатуры.

— Он не говорил об угрозе утраты тепла, — продолжила Вера. — Он сказал, что работники боятся потерять жильё и тепло, потому что фонд не подтверждает сохранение услуг. Это не одно и то же.

Инна скрестила руки.

— Вы сейчас предлагаете свою редакцию?

— Нет. Я отмечаю несоответствие между высказыванием и записью.

— Тогда пусть господин Ордынцев сформулирует для протокола отдельно.

Вера перевела предложение. Матвей согласился. Несколько секунд обдумывал фразу, потом показал медленно, деля её на смысловые части: работники сообщили ему о страхе потерять служебное жильё и отопление; причиной страха стали сообщения сотрудников фонда и отсутствие письменных гарантий; он требует не использовать зависимость работников для влияния на сделку.

Полина печатала. На экране появилась почти точная запись, но последняя часть звучала: «М. Ордынцев просит не связывать бытовые вопросы со сделкой».

Матвей отрицательно покачал головой.

— Он сказал не «просит не связывать», — произнесла Вера. — Он требует не использовать зависимость работников для влияния на сделку.

Полина посмотрела на Инну.

— Это обвинительная формулировка, — сказала та.

Матвей ответил: это его формулировка.

— Мы не обязаны включать в протокол каждую оценку стороны.

Руслан указал на заголовок документа: «Протокол переговоров сторон».

— Тогда назовите его справкой фонда, — сказал он. — И мы будем вести отдельный протокол.

Лев провёл ладонью по столу.

— Внесите дословно. Рядом укажите, что фонд отвергает обвинение.

Полина исправила строку. Матвей прочитал и подтвердил.

Вера почувствовала облегчение, но оно длилось недолго. На следующей странице уже стояло: «Стороны согласились подготовить единый проект договора об изменении участия Матвея Ордынцева в фонде».

Никакого согласия на единый проект не было. Руслан предложил два проекта: фонд готовит свой вариант услуг, сторона Матвея — документы о передаче доли. Борис назвал это лишней работой, но решение не приняли.

— Этот пункт также не соответствует разговору, — сказала Вера.

— Вы ведёте собственный протокол? — спросил Лев.

— Я веду рабочие заметки, чтобы обеспечивать точность перевода.

— И теперь проверяете секретаря?

— Сейчас текст выводится на экран для подтверждения. Я указываю, где записанное согласие не было выражено.

Лев повернулся к Матвею.

— Ты нанял переводчика или надзирателя?

Матвей ответил: фонд нанял переводчика. А точность нужна ему.

— София Андреевна, — начал Борис.

— Вера Андреевна, — поправила она.

Он даже не извинился.

— Вера Андреевна, стороны очевидно договорились продолжить подготовку документов. Как назвать пакет, не имеет значения.

Матвей показал: имеет. Единый проект позволит фонду снова заменить выход изменением участия.

Полина удалила спорную строку. Вместо неё записала два отдельных поручения с ответственными и сроками.

К перерыву протокол вырос на страницу, зато впервые перестал обещать то, чего Матвей не обещал.

В коридоре Руслан подошёл к Вере.

— Хорошо поймали последнюю подмену.

— Не поймала. Сопоставила с тем, что переводила.

— В суде это называется поймали.

— Мы не в суде.

— Пока.

Он протянул ей лист с замечаниями. У двух пунктов стояли ссылки на её вчерашние реплики, переданные Руслану Матвеем.

— Я не могу быть вашим источником отдельно от всех участников, — сказала Вера.

— Вы и не источник. Матвей сохранил свои записи и сверил их с вами в комнате.

— Тогда так и указывайте.

Руслан кивнул. Он не обиделся, и Вера поняла, что заранее ждала раздражения. В Бережках простая граница каждый раз казалась началом ссоры, потому что почти любая услуга здесь была связана с благодарностью.

Матвей вышел следом и показал телефон. Диспетчер прислала полную выгрузку. В строке об отмене погрузки стояло время семь двадцать девять — за три минуты до того, как Ася передала распоряжение закрыть остановку.

Вера перечитала.

Если журнал был точен, Ася знала или могла знать, что причина уже исчезла. Но это ещё не доказывало, что она видела отмену: записи поступали от разных сотрудников, система могла обновляться с задержкой.

Матвей спросил, говорила ли Ася с Верой об этом утром.

Вера ответила: Ася признала, что передала исходное распоряжение и собиралась его отменить. Об отмене погрузки не упоминала.

Он попросил не обсуждать с ней выгрузку до получения технических отметок о времени просмотра.

— Вы подозреваете, что она намеренно оставила остановку закрытой?

Матвей ответил вопросом: почему Вера добавила слово «намеренно».

Она осеклась. Снова сделала шаг от факта к мотиву — на этот раз не в переводе, а в разговоре.

— Вы правы. В журнале только последовательность записей.

Матвей убрал телефон. Затем показал на дверь переговорной и спросил, сколько раз сегодня Полина записала сказанное иначе.

Вера насчитала три: решение о выходе, слова работников и единый проект.

Он поправил: четыре. В самом начале «окончательное решение при любых условиях» превратилось в вывод Льва о наличии условий. Это не попало в протокол, но изменило ход разговора.

— Я заметила, — сказала Вера. — Но не остановила.

Матвей ответил: он остановил сам. Ему нужен от неё точный перевод, не охрана каждой фразы.

Это должно было прозвучать как упрёк. Вместо этого Вера почувствовала, что ей вернули предел ответственности.

После заседания Полина прислала протокол всем одновременно. В письме отдельно попросила подтверждать каждый пункт ответным сообщением. Через пять минут Матвей отметил одну пунктуационную ошибку и согласовал свою часть. Руслан добавил юридическую оговорку. Фонд подтвердил возражения.

Вера открыла приложение к письму. В свойствах файла автором значилась Полина. Последнее изменение — одиннадцать сорок восемь, ещё до окончания встречи. Она сравнила текст с версией на экране. Всё совпадало, кроме заголовка второго раздела.

На экране было: «Порядок выхода и общие службы».

В файле: «Варианты сохранения единого комплекса».

Вера сделала снимок свойств, затем написала Полине и всем участникам: «Заголовок раздела изменён после устного подтверждения. Прошу вернуть согласованную формулировку либо вынести изменение на подтверждение сторон».

Ответ пришёл от Аси, хотя её не было среди адресатов.

«Не открывай файл на гостевом ноутбуке. Позвони мне».

Вера посмотрела на собственный компьютер. Она привезла его из дома и не подключала к технике фонда, только к местной сети.

Следом появилось второе сообщение:

«Сейчас. Это важно».

Вера не позвонила. Отключила беспроводную сеть, сохранила копию файла на отдельный носитель и только потом набрала Асю.

— Откуда ты знаешь, что я открыла протокол? — спросила она вместо приветствия.

На том конце несколько секунд было слышно дыхание.

— Потому что письмо с твоим замечанием переслали мне из секретариата. Они хотят проверить, не сохранилась ли у тебя промежуточная версия.

— Ты написала про гостевой ноутбук.

— Я думала, ты работаешь на том, что стоит в комнате.

На письменном столе действительно стоял тонкий чёрный ноутбук гостевого дома. Вера ни разу его не включала.

— Зачем им моя промежуточная версия?

— Инна хочет сказать, что заголовок был техническим и никто его не подтверждал. Если у тебя остался снимок экрана, это помешает.

— Почему ты меня предупреждаешь?

— Потому что они сейчас придут за ноутбуком якобы на обновление. И потому что я не хочу, чтобы тебя сделали виноватой в утечке документа.

В дверь постучали.

Вера не ответила.

— Уже пришли? — спросила Ася.

Стук повторился. Мужской голос сообщил, что техническая служба проводит срочное обновление гостевых устройств.

— Ася, откуда ты знала, когда они придут?

— Я сама увидела заявку.

— Ты её создала?

— Нет.

— Кто создал?

— В заявке стоит секретариат. Вера, просто отдай им фондовый ноутбук. Свой не показывай.

Стук стал настойчивее.

Вера подошла к двери, но не открыла. Спросила имя сотрудника и номер заявки. Мужчина назвался Степаном — тем самым, который вчера нёс её чемодан. Номер продиктовал не сразу.

Она записала его и сказала оставить требование у администратора. После паузы шаги удалились.

— Он ушёл, — сказала Ася.

— Ты слышала.

— Да.

— Но не могла видеть.

Ася молчала.

— Где ты сейчас?

— Внизу.

Вера подошла к окну. Серой машины не было. У крыльца стоял семейный автобус, пустой, с открытой передней дверью. За рулём никого.

— Внизу где?

— В служебной комнате гостевого дома.

Вера посмотрела на чёрный ноутбук. Камера над экраном была закрыта заводской шторкой. Рядом с ним мигал маленький сетевой индикатор, хотя крышка оставалась опущенной.

— Поднимись, — сказала она. — И принеси копию заявки.

— Сейчас.

Вера закончила разговор и написала Матвею коротко: «После замечания к протоколу техслужба запросила гостевой ноутбук. Я его не использовала. Ася предупреждала заранее и идёт с заявкой». Не обвинение. Последовательность.

Потом положила телефон экраном вниз и стала ждать.

Глава 4. Помощь Аси

Ася поднялась через две минуты. В одной руке она держала прозрачную папку, в другой — связку из трёх ключей. Не постучала, а провела пластиковой карточкой по считывателю. Замок коротко пискнул.

Вера успела повернуть внутреннюю защёлку прежде, чем ручка пошла вниз.

— Это я, — сказала Ася из коридора. — Открой, пожалуйста.

Вера не двигалась.

— Почему у тебя карточка от моей комнаты?

— У меня доступ в служебные помещения гостевого дома. Твоя комната числится гостевой.

— Я спросила не что написано в системе.

За дверью стало тихо. Потом Ася отступила на шаг; это было видно по исчезнувшей из щели тени.

— Хорошо. Я должна была постучать и ждать. Прости.

Вера открыла, не снимая цепочку. Ася показала папку через узкий просвет.

— Заявка. Номер тот же, который назвал Степан. Посмотришь сама.

— Оставь у администратора.

— На первом этаже сейчас Инна. Если бумага попадёт к ней, ты её больше не увидишь.

Это звучало правдоподобно именно настолько, чтобы Вера почувствовала привычное облегчение: Ася уже подумала о том, о чём она не успела. В студенческие годы подруга носила запасные ручки, знала расписание пересдач и помнила, у кого аллергия на орехи. Рядом с ней непредвиденное быстро становилось мелкой задачей. Вера долго считала это добротой без примеси.

Она сняла цепочку, но осталась в дверях.

— Дай папку.

Ася протянула её. На верхнем листе стояли номер заявки, время создания — одиннадцать пятьдесят две — и фамилия Полины. Требование звучало шире, чем сообщил Степан: «Провести проверку гостевого вычислительного оборудования и подключённых личных устройств в связи с внеплановым обновлением правил доступа».

— Личные устройства, — прочитала Вера.

— Поэтому я тебе позвонила.

— Откуда у тебя копия?

— У администратора печатаются все заявки по зданию.

— Ты работаешь в фонде по трудовому договору?

— Я веду размещение гостей и помогаю секретариату на переговорах. Ты это знаешь.

— Я знаю, что ты сказала мне. Как твоя должность называется в документах?

Ася отвела взгляд к чёрному ноутбуку на столе.

— Координатор специальных проектов.

— Каких именно?

— Разных. Сейчас — этой сделки.

— Значит, ты не просто помогла мне устроиться. Ты работаешь на стороне семьи в сделке, которую я перевожу.

— Я работаю на фонд. Платит мне фонд. Я тебе об этом говорила.

— Ты сказала, что помогаешь с размещением и документами. Не сказала, что координируешь сделку.

— Потому что название громче работы. Я заказываю машины, собираю пропуска, слежу, чтобы люди не остались без обеда. Вот весь специальный проект.

Вера снова посмотрела на заявку. Подпись Полины могла означать, что секретарь её создала. Могла — что система подставила фамилию сотрудника, от имени которого действовал кто-то другой. Утром Вера уже видела, как легко одна формулировка присваивала человеку решение.

— Я сфотографирую лист и отнесу оригинал администратору, — сказала она.

— Это копия.

— Тогда сфотографирую копию.

Ася пожала плечами, будто спор касался лишней канцелярской осторожности.

Вера сняла телефон с кровати. Экран не включился. Она нажала боковую кнопку, потом ещё раз. Ничего.

— Разрядился? — спросила Ася.

— Было семьдесят процентов.

Вера подключила кабель. Значок зарядки не появился.

— Дай посмотреть.

— Нет.

Она вынула кабель и осмотрела разъём. Внутри застряла тонкая серая крошка, похожая на обрывок бумажной салфетки. Вера подцепила её уголком визитки. Телефон ожил сразу, показал шестьдесят восемь процентов и несколько уведомлений.

— Карманный мусор, — сказала Ася.

Телефон лежал на кровати с тех пор, как Вера написала Матвею. В кармане он не был.

— Ты входила сюда до того, как я приехала?

— Конечно. Проверила бельё, воду, лампы.

— Одна?

— Со Степаном. Вера, к чему ты ведёшь?

— Пока ни к чему.

Она сфотографировала заявку, затем отправила снимок Матвею и Руслану. Сообщение Матвею было доставлено. Руслану — нет: рядом с его именем остался серый кружок.

Ася прочитала это по её лицу.

— На въезде опять сбоит связь. Руслана сегодня не пропустили бы даже с правильным номером машины. Я могу отвезти бумагу ему сама.

— Не надо.

— Ты мне теперь совсем не доверяешь?

Вопрос был поставлен так, будто существовало только два ответа: доверять полностью или обвинить подругу. Вера положила телефон в карман пиджака.

— Я проверяю, кто и на каком основании получает доступ к моей комнате и технике.

— Я пришла защитить твою технику.

— И открыла дверь своей картой.

Ася прикусила губу. Не от обиды — скорее удерживая готовую фразу.

— Хочешь, я сейчас при тебе удалю доступ?

— Хочу, чтобы администратор письменно сообщил, у кого он есть, когда им пользовались и кто это разрешил.

— Ты понимаешь, что после такого они сделают тебя трудным гостем?

— Понимаю.

— А контракт тебе нужен.

Вот оно прозвучало. Не угроза, не совет — напоминание о цене.

Вера сложила копию заявки пополам и убрала в свою папку.

— Пойдём к администратору.

На лестнице Ася шла впереди. У площадки второго этажа остановилась и подняла связку ключей.

— Эти от кладовой, служебной комнаты и шкафа с бельём. От твоей двери здесь ничего нет.

— Карточку ты не показала.

Ася достала из нагрудного кармана белую карту без подписи.

— Общая служебная.

— Тем более нужно узнать, где записывается её использование.

На первом этаже за стойкой сидела девушка, которой Вера ещё не видела. Табличка называла её Мариной. Инна стояла у окна и говорила по телефону. Увидев Веру с Асей, она закончила разговор не прощаясь.

— Вера Андреевна, технический сотрудник сообщил, что вы отказались предоставить оборудование фонда.

— Я не препятствовала изъятию ноутбука. Я попросила оставить требование у администратора и назвать основание для проверки личных устройств.

— Никто не собирается изымать ваши устройства.

Вера положила перед Мариной копию заявки и указала нужную строку.

Инна прочитала её стоя.

— Неудачная стандартная формулировка.

— Кто создал заявку?

— Секретариат.

— Полина?

— Секретариат — это подразделение.

— В поле заявителя стоит её фамилия.

— Значит, Полина.

Вера достала телефон.

— Я уточню у неё при вас.

— Не нужно отвлекать секретаря от работы.

— Тогда заявка остаётся невыполненной до письменного уточнения.

Инна посмотрела на Асю, и та едва заметно качнула головой. Движение могло означать «не спорь». Могло — «я не с ней». Вера не стала выбирать смысл.

Марина развернула к себе монитор.

— Я могу поставить отметку, что личные устройства не входят в проверку, а ноутбук фонда гость не использовал. Сам ноутбук Степан заберёт в присутствии гостя, без осмотра комнаты.

— И выгрузку доступа по моей двери, пожалуйста, — сказала Вера.

Марина замерла пальцами над клавиатурой.

— Это к службе безопасности.

— Запросите у них.

— Ася входила к тебе? — спросила Инна.

Не «кто-то пользовался служебной картой», а сразу имя. Вера повернулась к ней.

— Почему вы решили, что речь об Асе?

Инна поняла ошибку. На её лице ничего не изменилось, только рука с телефоном опустилась вдоль юбки.

— Вы пришли вместе. Ася отвечает за размещение.

— У неё карта, которая открывает мою дверь. Я хочу знать, у кого ещё есть такая карта и когда её применяли.

— Это нормальная работа гостевого дома.

— Нормальная работа должна оставлять запись.

Ася положила белую карту на стойку.

— Заблокируйте мой доступ к жилым комнатам. Мне он не нужен.

Марина посмотрела на Инну. Та кивнула.

Карта легла рядом с папкой, как сданный пропуск. Ася улыбнулась Вере — устало, почти примирительно.

— Всё. Теперь тебе спокойнее?

— Когда получу выгрузку.

Инна ушла первой. Ася задержалась, чтобы договориться со Степаном о времени. Вера отошла к дивану и написала Матвею: «Заявка подтверждена, личные устройства исключили после возражения. Служебная карта Аси открывала мою дверь; запросила журнал доступа».

Он ответил текстом: «Сохрани ответ отдельно. Не оставайся без прямой связи».

Вера перечитала последнюю фразу. Не оставайся без связи. Не «будь осторожна», не «я предупреждал». Конкретная граница, которую можно выполнить.

Она открыла сумку, чтобы достать запасной аккумулятор. В боковом кармане лежал кабель, блок питания, маленькая аптечка. Телефона в руке не было.

Вера проверила диван. Потом стойку. Потом карманы пиджака.

Телефон исчез.

Она не сразу испугалась. Первым пришло раздражение на себя: положила рядом с папкой, сунула в сумку не в тот карман, оставила на подоконнике. Вера прошла обратно весь путь от дивана до стойки. Марина отодвинула клавиатуру и посмотрела под бумагами.

— Какой чехол?

— Тёмно-зелёный. На экране трещина в левом углу.

— Вы с ним сюда пришли?

— Я писала сообщение у дивана минуту назад.

Марина позвонила на номер с настольного аппарата. В холле ничего не зазвонило. После нескольких гудков включилась голосовая почта.

— Был звук включён?

— Да.

Ася вышла из служебной комнаты.

— Что случилось?

— Телефон Веры пропал, — сказала Марина.

Ася не спросила, где Вера видела его в последний раз. Сразу подошла к дивану, провела рукой между сиденьем и спинкой, заглянула под батарею. Потом направилась к лестнице.

— Подожди, — сказала Вера. — Куда ты идёшь?

— Ты могла оставить его наверху.

— Я только что отправляла сообщение отсюда.

Ася остановилась на первой ступени.

— Тогда кто-то взял.

В холле, кроме них, находились пожилой мужчина с газетой и уборщица у двери столовой. Инна ушла меньше минуты назад. Степан должен был вернуться за ноутбуком.

— Закройте выход, — предложила Марина.

— Не закрывайте, — сказала Вера. — Никого не удерживайте. Сохраните запись камеры и отметьте время.

Марина посмотрела на чёрный купол под потолком.

— Камера пишет только входную зону. Диван не попадает.

Ася вернулась к стойке.

— Здесь бывают карманники? — спросила Вера.

— Чужих почти не бывает.

— Значит, круг небольшой.

— Я найду, — сказала Ася.

Уверенность в её голосе была слишком ранней.

— Не надо искать одной. Марина, оформите сообщение о пропаже и вызовите службу безопасности.

— Они начнут проверять комнаты и сумки, — предупредила Ася. — Тебе это нужно?

— Нет. Поэтому я прошу сохранить записи и отметить присутствующих, а не обыскивать людей.

Марина открыла электронную форму. Вера назвала время последнего сообщения. Матвей видел его у себя, значит, момент можно было подтвердить независимо. Она попросила Марину позвонить ему с городского номера и сообщить только о потере связи, без подробностей. Та записала номер, но соединение не прошло.

— Внутренняя линия мастерской занята, — сказала Марина.

Ася уже набирала кого-то на своём телефоне.

— Я позвоню начальнику охраны.

— Не от моего имени, — сказала Вера.

— Я хочу ускорить.

— Не от моего имени.

Ася убрала телефон.

Пожилой мужчина сложил газету и подошёл к стойке. Представился Виктором Сергеевичем, инженером котельной. Сказал, что видел, как на диван садился Степан, пока Вера разговаривала с Мариной.

— Не садился, — возразила уборщица. — Наклонился шнур поднять.

— Какой шнур? — спросила Вера.

— Серый. У дивана валялся.

Марина записала оба объяснения. Ася спросила, куда после этого пошёл Степан.

Уборщица указала на служебный коридор.

— Там прачечная, склад и запасной выход, — сказала Ася. — Я знаю, где он мог оставить телефон.

И пошла, не дожидаясь ответа.

Вера двинулась за ней, но Марина окликнула:

— Подпишите время обращения.

На подпись ушло меньше двадцати секунд. Когда Вера вошла в служебный коридор, Аси уже не было видно. Слева стояли три двери, справа — тележка с бельём. В конце горела зелёная табличка выхода.

— Ася!

Ответ пришёл из-за двери прачечной:

— Здесь нет.

Вера не стала входить. Вернулась к развилке и дождалась Марину, которая принесла связку служебных ключей.

— Где склад найденных вещей? — спросила Вера.

— Возле запасного выхода.

— Ася могла знать, что телефон там?

— Она знает все помещения.

— Я спросила не это.

Марина побледнела.

— Я не знаю.

Они пошли вместе. Дверь прачечной оказалась открыта; внутри работали две машины, но Аси не было. За следующей дверью хранились коробки с моющими средствами. Третья вела к запасному выходу.

Ася стояла на крыльце, держа телефон Веры двумя пальцами за край чехла.

— Нашла, — сказала она.

Вера остановилась в дверях.

— Где?

— Под урной.

Во дворе у стены стояла металлическая урна. От двери до неё было шесть или семь шагов. Земля вокруг оставалась влажной после ночного дождя. Чехол телефона выглядел сухим.

— Не трогай больше. Положи на подоконник.

Ася подчинилась.

— Я взяла за край, чтобы не стереть следы.

— Почему ты пошла именно сюда?

— Степан вышел через служебный коридор. Уборщица сказала.

— Она сказала, что он пошёл в коридор. Про выход не говорила.

— Он курит у этой урны.

Марина подтвердила:

— Курит.

— Телефон лежал экраном вниз? — спросила Вера.

— Чехлом вверх. Я увидела зелёный край.

Вера присела, не касаясь урны. Под ней лежали два мокрых окурка и сплющенная крышка от бутылки. На нижнем ребре телефона не было грязи. Зато к чехлу прилипла короткая белая нитка.

Такая же нитка торчала из манжеты Аси.

Это ничего не доказывало. Подруга могла зацепить ткань, когда подняла телефон. Но Вера заметила и запомнила.

— Марина, отметьте время находки и место. Пожалуйста, никого не называйте виновным до просмотра записи входа и служебного выхода.

— У запасного выхода нет камеры, — сказала Марина.

— Кто проходит по карте, записывается?

— Должен.

Ася обняла себя руками.

— Ты правда думаешь, что это сделала я?

— Я думаю, что ты нашла телефон раньше, чем начался официальный поиск.

— Потому что я пошла искать, пока вы заполняли бумагу.

— И сразу выбрала нужный выход.

— Потому что знаю дом.

— Именно поэтому мне нужна запись, а не объяснение.

Ася резко выдохнула.

— Я спасла твой контракт с утра, не дала забрать личный ноутбук, отказалась от доступа к твоей комнате, нашла телефон. Что ещё я должна сделать, чтобы ты перестала видеть в помощи ловушку?

Вера посмотрела на неё. За каждой названной заслугой стояла беда, о которой Ася узнавала первой. Но последовательность ещё не была доказательством причины.

— Ничего, — сказала она. — Не делай ничего за меня без моего согласия.

Ася отвела глаза.

Вера попросила Марину принести бумажный пакет. Телефон положили внутрь, не включая. До выяснения обстоятельств Вера не хотела вводить пароль и подключать устройство к местной сети. Она записала на пакете время, место и имена присутствующих. Марина расписалась. Ася отказалась сначала, потом всё же поставила подпись рядом со словом «обнаружила».

— Ты превращаешь потерянный телефон в уголовное дело, — сказала она.

— Я сохраняю то, что можно проверить.

— Здесь так не живут.

— Я здесь работаю.

В холле появился Степан. Услышав о телефоне, он сразу показал пустые карманы и предложил открыть шкафчик.

— Не нужно, — сказала Вера. — Расскажите, зачем вы подходили к дивану.

— Кабель поднял. От ноутбука, наверное.

Уборщица принесла серый кабель. Один конец был обрезан. Степан сказал, что отнёс его в техническую комнату, потом вернулся за ноутбуком. Через запасной выход не ходил.

Марина проверила журнал на своём мониторе. В двенадцать тридцать восемь дверь запасного выхода открыли служебной картой. Имя владельца не отображалось — та же общая карта, которую Ася положила на стойку.

— Но карта всё время лежала перед вами, — сказала Вера.

Марина медленно покачала головой.

— Я убрала её в ящик, когда вы начали искать. Потом Ася попросила ключ от прачечной. Я дала всю связку. Карта могла быть на ней.

— Могла? Вы не знаете?

— На связке есть ещё одна общая карта. Для выходов.

Ася полезла в карман и достала связку. Белой карты на ней не было.

— Я вернула всё, что ты дала.

Марина пересчитала ключи.

— Карта должна быть здесь.

Они вернулись в прачечную. Карта лежала на подоконнике между коробкой порошка и стопкой квитанций.

— Наверное, снялась с кольца, — сказала Ася.

Кольцо было закрыто.

Вера ничего не сказала. Попросила Марину добавить в сообщение три факта: время открытия запасной двери, передачу связки Асе и обнаружение карты отдельно от закрытого кольца. Марина напечатала при них и вывела текст на экран.

Ася прочитала, побледнела и тихо спросила:

— Ты собираешься отправить это Матвею?

— Да.

— Тогда напиши, что телефон нашла я.

— Это уже написано.

— Напиши, что я его вернула.

— Ты его обнаружила и передала Марине. Именно так и написано.

— Вера, он решит, что я украла.

— Я не буду решать за него, что он подумает.

Марина распечатала сообщение в двух экземплярах. Вера забрала один и попросила городской телефон. На этот раз мастерская ответила. Трубку снял дежурный, который мог говорить голосом и понимал простые жесты; Вера попросила передать Матвею, что её личный телефон найден, но временно выключен, а письменные материалы будут доставлены через Руслана.

— Я отвезу, — снова предложила Ася.

Вера посмотрела на неё.

— Нет.

Она позвонила Руслану. Тот находился у ворот: охрана опять сверяла номер машины. Вера попросила его дождаться её снаружи и не передавать документы сотрудникам фонда.

— Как вы выйдете? — спросила Марина. — Автобус через сорок минут.

— Пешком до ворот.

— Там почти три километра, — сказала Ася. — И дождь собирается.

— Дойду.

— Я могу подвезти.

— Ты можешь оставить меня одну.

Вера поднялась в комнату вместе с Мариной. Степан отключил чёрный ноутбук от питания, показал серийный номер и унёс его, не приближаясь к личным вещам. Марина проверила замок и пообещала до вечера прислать журнал доступа на бумаге. Вера переложила рабочие файлы на отдельный носитель, взяла дождевик и запасной кнопочный телефон, который держала для поездок. На нём не было приложений, только номера отца, диспетчерской переводчиков и Руслана.

Когда она спустилась, Ася сидела на диване. На коленях лежала прозрачная папка с заявкой. Служебной карты у неё больше не было.

— Я пойду с тобой до ворот, — сказала она.

— Не надо.

— Я не прошу доверять мне. Просто там грузовики.

— Я умею идти по обочине.

Ася встала.

— Ты всегда так делаешь. Сначала позволяешь помочь, потом находишь в помощи долг и наказываешь за него.

Вера застегнула дождевик.

— Я не наказываю тебя. Я отказываюсь брать ещё.

— После всего, что я для тебя сделала?

— Именно эта фраза и есть долг.

Ася осталась у дивана.

На улице пахло мокрой золой. Вера шла вдоль дороги, прижимая папку к боку. Через пять минут мимо медленно проехала серая машина Аси. Не остановилась. За рулём была не Ася, а Степан. Он смотрел прямо перед собой.

У ворот Руслан ждал под навесом. Охранник держал его паспорт и разговаривал с кем-то по внутреннему телефону. Вера не стала вмешиваться в их спор. Передала Руслану копию заявки, сообщение о пропаже и записку для Матвея.

— Телефон у вас? — спросил он.

— В бумажном пакете у администратора. Я не хочу сейчас его включать.

— Разумно. Я могу забрать и отдать специалисту.

— Только после того, как Матвей решит, нужен ли этот материал для его стороны, а я письменно разрешу осмотр своих данных.

Руслан кивнул.

— Что вы сами считаете главным?

Вера посмотрела через стекло проходной на дорогу, по которой пришла.

— Ася знала о заявке раньше меня. Её карта открывала мою комнату. Телефон исчез рядом с ней и нашёлся там, куда она пошла одна. Но всё это пока можно объяснить её работой и знанием здания.

— А что нельзя?

— Нельзя объяснять факт мотивом, пока нет записи. И нельзя позволять ей становиться единственным человеком, который создаёт для меня безопасность.

Руслан взял папку.

— Передам дословно.

— Передайте факты. Последняя фраза — моя оценка.

Он улыбнулся без веселья.

— Вы даже сейчас разделяете.

— Это моя работа.

На обратном пути дождь всё-таки начался. У проходной Вера остановилась под козырьком и проверила кнопочный телефон. На него пришло сообщение с неизвестного номера:

«Не пользуйся найденным. В нём уже были открыты твои письма».

Под сообщением стояло время двенадцать сорок одна — через три минуты после открытия запасной двери и раньше, чем Ася вернулась с телефоном.

Вера не стала отвечать. Переписала номер и время на бумагу, затем выключила аппарат.

Помощь снова пришла раньше, чем она успела попросить.

Глава 5. Закрытая комната

К утру дождь вымыл с дороги мелкую золу, но не запах. Вера чувствовала его даже в комнате: мокрая гарь, железо батареи и дешёвое мыло с полотенца, которым она вытерла волосы. Найденный телефон лежал внизу, в бумажном пакете с двумя подписями. Кнопочный она включила только на минуту, переписала анонимное сообщение ещё раз и вынула аккумулятор.

На столе оставались бумажные листы. Вера разложила их по времени: заявка на проверку техники, отметка Марины о пропаже телефона, открытие запасного выхода, находка, сообщение неизвестного. Между событиями были минуты, но стрелки, проведённые от одного листа к другому, ничего не доказывали. Они только показывали, где не хватало факта.

В дверь постучали трижды, с одинаковыми промежутками.

— Кто?

— Марина.

Вера открыла, не снимая цепочки. Администратор держала конверт и кружку.

— Журнал доступа, как обещала. И кофе. Кофе можно не брать.

— Спасибо. Поставьте на пол, пожалуйста.

Марина опустила конверт и кружку. Не обиделась, только посмотрела на цепочку.

— Ася ночью спрашивала, не нужен ли вам врач.

— Почему мне должен быть нужен врач?

— Сказала, вы промокли и очень нервничали.

— Вы ответили?

— Что не знаю. Она просила зайти проверить, но я не стала.

— Спасибо, что не стали.

Марина помедлила.

— Вера Андреевна, я вчера неправильно дала связку. Мне объявят выговор.

— Я не просила никого наказывать. Я попросила сохранить последовательность.

— Здесь последовательность всегда заканчивается фамилией того, кто был на смене.

Вера хотела сказать, что это не её вина, но удержалась. Утешение тоже могло стать подменой, если произносилось раньше вопроса.

— Вы хотите, чтобы я добавила к записи ваше объяснение?

— А поможет?

— Будет видно, что именно вы знали в тот момент.

Марина подумала и кивнула.

— Тогда после смены. Своими словами.

Она ушла. Вера внесла время разговора в тетрадь, раскрыла конверт и увидела четыре страницы. Общая карта открывала дверь её комнаты дважды: когда вошла Ася, и ещё раз ночью, в два семнадцать. На второй отметке не было имени. Только номер считывателя и зелёное слово «разрешено».

Вера проверила цепочку, замок и окно. Потом заставила себя сесть. Ночная запись могла оказаться служебной проверкой, ошибкой времени или попыткой открыть дверь без фактического входа. Она написала на полях: «Кто пользовался картой? Есть ли журнал выдачи? Что фиксирует замок: касание или открытие?» Три вопроса вместо одного вывода.

В восемь тридцать за ней приехал фондовый микроавтобус. Водитель не вышел. На переднем сиденье лежала табличка с её фамилией, напечатанной без ошибки. Вера сфотографировала её старым аппаратом без связи, который взяла как камеру, и села сзади.

Ася ждала у административного корпуса. На ней была светлая куртка, слишком тонкая для холодного утра, и под глазами лежали серые тени. Она шагнула к машине, но Вера открыла другую дверь.

— Я не буду подходить, — сказала Ася. — Просто сообщу: Лев перенёс встречу в старую архивную комнату. Там нет окон, зато никто не помешает.

— Кто решил, что помеха — это люди снаружи?

— Служба безопасности. После вчерашнего.

— После пропажи моего телефона переговоры надо спрятать глубже?

— Защитить, не спрятать.

— Это слова Льва?

Ася опустила руки.

— Мои.

— Тогда так и скажи на встрече.

Она не пошла следом. Вера вошла в здание одна и у рамки увидела новую табличку: «Личные средства записи, носители данных и устройства связи запрещены». Рядом стоял охранник с серыми пластиковыми пакетами, похожими на те, в которые в магазинах запаивали сумки.

— Всё сюда, — сказал он. — Телефон, часы, диктофон, флешки.

— На каком основании?

— Распоряжение.

— Покажите.

Охранник указал на табличку.

— Это объявление. Распоряжение кем подписано?

Из коридора вышел Борис Семёнович. В руках у него была красная папка.

— Вера Андреевна, не задерживайте начало. Совет фонда ввёл временные меры из-за попытки вынести закрытые материалы.

— Кто пытался их вынести?

— Обстоятельства выясняются.

— Мой личный телефон вынесли из холла без меня. Теперь вы хотите забрать второй.

— Никто не забирает. Устройство хранится в опечатанном пакете у вас на виду.

— Оно будет у охранника, а не у меня.

Борис поджал губы.

— Тогда оставьте в гостевом доме.

— Мне нужен способ фиксировать исходные формулировки и свою работу.

— Протокол ведётся.

— В протокол уже внесли согласие, которого Матвей не давал.

Охранник отвернулся, будто его это не касалось. Борис раскрыл красную папку и показал лист. Под текстом стояла подпись Льва Ордынцева и вчерашняя дата.

«В целях сохранения коммерческой тайны запретить участникам заседаний создание личных аудио-, видео- и иных записей».

— Здесь не сказано, как участник подтверждает, что его слова переданы верно, — сказала Вера.

— Подписью под итоговым документом.

— После многочасовой встречи, когда спор уже войдёт в текст?

— Если вы не доверяете секретарю, это вопрос отношений, а не режима тайны.

Вера прочла распоряжение ещё раз. Оно касалось личных записей, но не запрещало записи, которую хранили бы обе стороны или независимый человек.

— Где Матвей?

— Уже в комнате.

— Каким способом ему объяснили новое правило?

— Он прочитал распоряжение.

— Он согласился?

— Это не предмет согласия.

Вот оно, подумала Вера. Закрытая дверь начиналась не с замка. Сначала человеку сообщали, что обсуждать можно только содержание сделки, а способ услышать его уже решён.

Она вынула из сумки кнопочный телефон без аккумулятора и положила на стол охранника. Рядом оставила часы. Бумажную тетрадь прижала к груди.

— Это тоже? — спросила она.

— Личные записи запрещены, — ответил Борис.

— Рукописные заметки не перечислены.

— «Иные» означает любые.

— Тогда я не могу выполнять работу. Переводчику нужны заметки о терминах, цифрах и договорённостях.

— Всё нужное есть в материалах фонда.

— Материалы фонда — не моя память.

Борис посмотрел на часы.

— Вы можете войти без тетради или письменно отказаться от участия.

Вера почувствовала, как внутри поднимается быстрый, почти удобный гнев. Отказ сейчас был бы чистым жестом. Но Матвей остался бы в комнате с людьми, которые считали подтверждение его слов вопросом отношений. Она сняла с тетради резинку.

— Позовите Матвея к двери.

— Заседание началось.

— Я не прошу обсуждать сделку в коридоре. Мне нужно сообщить условия, при которых я могу переводить.

— Я передам.

— Нет. Вы перескажете. Позовите его или дайте мне написать.

Борис молчал несколько секунд, затем ушёл. Охранник подвинул пакет с телефоном ближе к себе. Вера следила, чтобы он оставался на столе.

Матвей появился вместе со Львом. Высокий, в тёмной рубашке, он остановился в дверях и посмотрел сначала на тетрадь Веры, потом на пакет. Лев начал говорить голосом, не дожидаясь перевода:

— Мы уже потеряли двадцать минут.

Вера повернулась к Матвею и передала фразу точно. Затем показала распоряжение, запрет на тетрадь и предложение либо войти без записей, либо отказаться. Не добавила, что считает запрет давлением.

Матвей прочитал лист, поднял глаза на Льва и спросил жестами, записывает ли встречу сам фонд.

— Только секретарь, — перевела Вера.

— Секретарь делает письменный протокол, — ответил Лев. — Аудио и видео не будет ни у кого.

Матвей уточнил: секретарь видит РЖЯ?

Лев не понял вопроса. Вера перевела.

— Инна фиксирует ваш перевод.

Матвей посмотрел на Веру. Его следующая фраза была короткой: значит, секретарь записывает слова Веры, а не его.

Лев раздражённо повёл плечом.

— Для этого вы и наняты.

Вера передала без смягчения. Матвей попросил лист и ручку. Борис протянул ему фирменный блокнот. Матвей вырвал страницу, положил на подоконник и написал крупно: «Если запись запрещена всем, как я докажу ошибку перевода до подписи?»

Лев прочитал.

— Ошибку можно указать при чтении проекта.

Матвей дописал: «На каком языке?»

— Проект будет на русском.

Матвей постучал ручкой по последним двум словам, затем показал: русский текст он прочитает, но предметом спора будут его исходные высказывания на РЖЯ. Без них сравнивать не с чем.

Лев обратился к Вере:

— Вы внушили ему, что мы собираемся искажать каждую фразу?

Вера перевела вопрос Матвею, хотя он был задан ей. Матвей увидел, что речь касается его, и должен был знать формулировку.

— Я сообщила правило и его последствия, — ответила Вера. — Вы сами сказали, что секретарь фиксирует мой перевод.

— Вы здесь не представитель стороны.

— Поэтому решение сейчас должен принять Матвей.

Матвей уже писал на новом листе. Он предложил: камера снимает только его руки и лицо; файл после каждой части встречи копируют на два зашифрованных носителя; один запечатывают у фонда, второй получает его юрист Руслан; смотреть можно только при споре о переводе. Вера прочитала и почувствовала облегчение, но не позволила ему прозвучать в голосе.

Лев качнул головой.

— В кадр попадут сведения о сделке.

Матвей ответил: в кадре будет он. Звук можно отключить. Документы и остальные люди не попадут. Если фонд не доверяет его юристу, носитель можно оставить у нотариуса вне посёлка.

— Нотариус сегодня не приедет.

Матвей показал: тогда встреча подождёт.

Борис тихо сказал Льву:

— До пятницы и так не успеем закрыть расчёт.

— Успеем, если перестанем превращать каждую дверь в суд, — ответил Лев.

Вера перевела и эту реплику. Матвей улыбнулся без радости. Написал: «Дверь закрыли вы».

Лев сложил распоряжение вдвое, хотя оно было в прозрачной папке.

— Хорошо. Видео без звука, камера фонда, хранение на сервере фонда. Доступ по письменному запросу.

Матвей сразу покачал головой.

— Почему нет? — спросил Лев.

Матвей показал на Веру, затем на Бориса и на закрытую дверь. Вера перевела: если доступ решает фонд, независимого подтверждения нет. Нужны две копии или человек, не подчинённый семье.

— Здесь все кому-нибудь подчиняются, — сказал Борис.

Фраза прозвучала буднично. Охранник посмотрел на него, потом опустил глаза.

Матвей написал имя: «Руслан».

— Его опять не пропустили, — сказал Лев. — Номер машины не совпал с заявкой.

— Вчера совпадал, — ответила Вера прежде, чем успела решить, должна ли отвечать.

Матвей повернулся к ней. Она остановилась.

— Это моё наблюдение, не слова Матвея, — сказала Вера и перевела собственную реплику.

Матвей кивнул, но выражение его лица не изменилось. Он спросил у Льва, кто подал сегодняшнюю заявку на въезд Руслана.

Лев посмотрел на Бориса.

— Координатор сделки.

— Ася Крылова, — уточнил Борис.

Вера перевела. Упоминание Аси легло рядом с ночным доступом, найденным телефоном и закрытым въездом, но она не стала связывать их вслух.

Матвей написал: «Пусть исправит номер сейчас».

Борис позвонил с внутреннего аппарата. Пока он говорил с проходной, Лев отошёл к окну в конце коридора. Матвей спросил Веру, согласна ли она работать перед камерой, которая снимает только его.

Она ответила жестами, чтобы он получил ответ напрямую: да, если запись будет использоваться для проверки перевода, а правила доступа письменно согласуют до начала. Её тетрадь всё равно нужна для цифр и имён. Личные заметки она готова после встречи положить в конверт и хранить вместе с записью, но не отдавать фонду без копии описи.

Матвей спросил: зачем ей копия описи?

Вера показала на свою голову, потом на листы: чтобы позже никто не добавил к её записям то, чего она не писала, и не убрал то, что писала.

Он выдержал взгляд, затем спросил: а как проверить саму Веру?

Вопрос был справедливым и всё же ударил точнее, чем обвинение Льва. Она почувствовала желание напомнить о своей квалификации, о годах работы, о том, что первой заметила подмену. Всё это не отвечало на вопрос.

— Второй переводчик, — сказала она и показала. — Не на каждой встрече обязательно в комнате. Он может посмотреть спорный отрывок независимо и дать свой перевод, не видя моего.

Матвей спросил, кого она предлагает.

— Не Асю и не человека фонда. Выбрать должны обе стороны из списка специалистов. Или профессиональное объединение назначит дежурного.

Лев вернулся к ним.

— Что вы обсуждаете?

Вера перевела весь разговор, включая вопрос Матвея о том, как проверить её, и собственное предложение о втором переводчике. Лев слушал внимательнее, чем прежде.

— То есть вы сами признаёте, что можете ошибиться.

— Да.

Он, кажется, ожидал другого ответа.

— Тогда почему совет должен полагаться на вас?

— Не должен. Моя работа должна быть проверяемой.

Матвей смотрел на Льва, ожидая перевода. Вера передала обе реплики.

Борис закончил звонок.

— Машину Руслана внесли. Будет у ворот через сорок минут.

— Через сорок? — переспросил Лев. — Он же был там.

— Уехал за новой доверенностью.

Матвей поднял лист: встреча начнётся, когда приедет Руслан и будут готовы две копии записи.

— Мы можем хотя бы обсудить смету, — предложил Лев.

Матвей показал: без переводчика или без правил?

— С переводчиком. Правила допишем по ходу.

Матвей отказался.

Лев повернулся к Вере.

— Объясните ему, что сорок минут стоят денег. Люди ждут, бухгалтерия ждёт, банк ждёт.

Вера передала фразу как просьбу Льва, а не как свою. Матвей ответил, что месяцы решений без него тоже стоили денег. Он готов оплатить из своей доли сорок минут, но не согласен платить голосом.

Вера перевела. В коридоре стало тихо. Даже охранник перестал перекладывать пакеты.

Лев провёл ладонью по лицу.

— Хорошо. Борис, найдите камеру. Не ту, что подключена к общей сети. И два чистых носителя.

— У службы рекламы есть автономная.

— Пусть несут.

— Тетрадь? — спросила Вера.

Лев посмотрел на неё.

— Оставите в опечатанном конверте.

— После того как Матвей и представитель фонда подпишут опись страниц.

— Вы торгуетесь о каждой скрепке.

— О возможности проверить каждую фразу.

Матвей коснулся её локтя двумя пальцами, чтобы привлечь внимание, и показал: не «каждую». Только ту, о которой возник спор. Иначе запись превратится в ещё один способ следить за ним.

— Верно, — сказала Вера.

Она перевела уточнение Льву. Тот неожиданно согласился сразу.

Пока искали камеру, Вера сидела в пустой приёмной. Кнопочный телефон оставался в пакете. Тетрадь лежала раскрытой на коленях. Матвей ушёл в соседнюю комнату и вернулся с деревянной подставкой, на которой обычно размещали планшет. Он поставил её напротив светлой стены и проверил, сколько пространства нужно для рук.

Ася появилась через десять минут. Она принесла коробку с двумя новыми флешками и запечатанную камеру.

— В рекламном отделе сказали, что аккумулятора хватит на три часа, — сообщила она. — Я нашла ещё один.

Она увидела Веру и остановилась.

— Ты всё-таки вошла?

— Встреча ещё не началась.

— Из-за запрета?

— Из-за отсутствия независимого подтверждения слов Матвея.

Ася посмотрела на подставку у стены.

— Можно было просто попросить запись.

Матвей стоял рядом и видел её лицо, но Ася говорила только голосом. Вера перевела.

Он спросил жестами, кто предложил запретить личные записи.

Ася ответила не сразу.

— Служба безопасности подготовила меры. После телефона Веры всем стало ясно, что сведения утекают.

Матвей повторил вопрос: кто предложил?

— Я передала просьбу Льва подготовить распоряжение.

Лев, вышедший из комнаты, услышал последнюю фразу.

— Я просил исключить утечки, а не отобрать у переводчика тетрадь.

Ася повернулась к нему.

— Борис сказал, что личные записи — главный риск.

— Борис говорит то, что проще охранять.

Вера переводила по очереди, отмечая говорящих. Матвей поднял руку, остановил их и написал на листе три вопроса. Кто выбрал архивную комнату? Кто подготовил заявку Руслана с неверным номером? Кто распорядился опечатать устройства у входа?

Ася прочитала.

— Комнату выбрала я. Там нет камер общей системы. Номер в заявке мне прислал Руслан. Опечатывание предложил Борис.

— Номер я сверял вчера, — сказал Борис, подходя с кабелем. — В форме стояла другая последняя цифра.

— Значит, ошибка при вводе.

Матвей попросил показать исходное сообщение Руслана.

Ася достала телефон, пролистала переписку и протянула его Матвею, но держала в своей руке. Он прочитал, затем указал на последнюю цифру. Она совпадала с номером его машины.

— Я ошиблась, — сказала Ася. — Одна цифра.

Вера перевела.

— Поэтому и нужен независимый способ проверки, — добавила она от себя и сразу обозначила: это её вывод.

Ася убрала телефон.

— Ты теперь будешь проверять каждую мою цифру?

— В заявках, от которых зависит доступ участника, — да.

— А кто проверит тебя?

— Второй переводчик.

Ответ прозвучал спокойно, потому что был уже прожит несколько минут назад. Ася моргнула.

— Ты сама это предложила?

— Матвей спросил, как проверить мою работу.

Ася посмотрела на него, впервые за утро обращаясь напрямую жестами. Её жесты были медленными и точными: она спросила, перестал ли он доверять Вере.

Матвей ответил сразу. Доверие не заменяет проверку. Проверка защищает и его, и Веру.

Ася улыбнулась, но улыбка задержалась только на губах.

— Конечно. Я же пытаюсь сделать то же самое.

Вера перевела её слова, хотя Матвей понял жесты. Он спросил: чем именно независима помощь Аси, если она сама вводит цифры в заявки, выбирает комнаты и приносит устройства?

Ася опустила коробку на стол.

— Я координирую процесс. Если я ничего не буду делать, вы не встретитесь.

Матвей показал: тогда процесс устроен плохо.

Лев усмехнулся.

— С этим я впервые сегодня согласен.

Ася побледнела.

Борис принёс штатив. Камеру установили так, чтобы в кадре оставались Матвей, светлая стена и край стола. Вера села вне кадра, но Матвей потребовал проверить, видно ли направление его взгляда. Если запись показывала только руки, нельзя было понять, к кому он обращался. Камеру сдвинули на полметра.

Две флешки распечатали при всех. Борис записал номера на конвертах. Руслан ещё не приехал, поэтому второй носитель положили перед пустым стулом и договорились, что до его прибытия копирование не начнётся.

Инна принесла лист с временными правилами. В нём снова было написано, что перевод Веры считается официальной формулировкой участника.

— Нет, — сказала Вера.

— Что теперь? — спросил Лев.

— Мой перевод не становится его формулировкой. Это передача смысла, которую можно сверить с исходным высказыванием.

— Для документа нужен русский текст.

Матвей написал на полях: русский текст утверждает он после чтения, а не Вера в момент перевода.

Инна зачеркнула строку и записала новую. Матвей прочитал, Вера передала её на РЖЯ, затем он подписал. Лев поставил подпись следом. Вера подписалась только под правилами хранения собственных заметок.

Когда Руслан наконец вошёл, его плащ блестел от дождя. Он осмотрел камеру, конверты и исправленную строку, потом спросил Матвея письменно, принимает ли тот условия. Матвей ответил ему без Веры: написал «да» и время.

Только после этого дверь архивной комнаты закрыли.

Внутри действительно не было окон. На стеллажах стояли пустые коробки с годовыми номерами, воздух пах картоном и пылью. Камера горела маленькой красной точкой. Вера видела её краем глаза, но старалась смотреть на Матвея.

Лев начал с цены мастерской. Назвал сумму, срок и обязательство сохранить рабочие места на два года. Матвей спросил, кто будет отвечать за котельную и автобус после выхода. Лев сказал, что услуги можно покупать у фонда по рыночной цене.

Вера переводила, записывая только цифры и названия приложений. Через двадцать минут Матвей остановил её. Он показал, что она передала «фонд может прекратить услугу», хотя Лев сказал «фонд пересмотрит условия».

Вера вспомнила фразу. Ей показалось, что смысл угрозы был именно таким. Но Матвей спрашивал не о смысле намерения, а о словах.

— Вы правы, — сказала она. — Я усилила следствие. Исправляю: фонд пересмотрит условия, если договор не будет подписан до первого декабря.

Лев откинулся на спинку стула.

— И для этого понадобилась камера?

Матвей посмотрел в объектив, затем на Веру. Он показал: камера понадобится, если она не признает ошибку.

Вера перевела.

Никто не улыбнулся. Но после этой фразы комната стала немного менее закрытой.

На первом перерыве Инна остановила запись. Файл скопировали на две флешки, сверили размер и время, запечатали конверты. Руслан расписался на одном, Борис — на другом. Тетрадь Веры пересчитали по страницам и положили в третий конверт; копия описи осталась у неё.

Ася ждала в коридоре с кофе для всех. На стакане Веры её имя было написано зелёным маркером.

— Я взяла без сахара, — сказала Ася. — Как ты любишь.

Вера не протянула руку.

— Поставь на общий стол.

— Он остынет.

— Тогда остынет.

Ася поставила стакан. Матвей вышел следом и увидел зелёную надпись. Спросил, кто заказал кофе.

— Я, — ответила Ася жестами. — Для всех.

Он пересчитал стаканы. Их было шесть: для него, Веры, Льва, Бориса, Инны и Руслана. Самой Асе не было.

Матвей спросил почему.

— Я не остаюсь на встрече.

Он показал: но она знала, сколько людей будет в закрытой комнате, ещё до приезда Руслана.

Ася посмотрела на Веру.

— Ты уже успела рассказать ему всё как преступление?

Вера перевела фразу Матвею, затем ответила:

— Я сообщила факты о заявке и правилах. Количество людей он посчитал сам.

— Конечно. Теперь каждый мой шаг станет уликой.

— Нет. Но ни один твой шаг больше не станет доказательством твоей доброты только потому, что ты назвала его помощью.

Ася взяла стакан Веры и сжала картонный край. На крышке выступила капля.

— Ты пожалеешь, когда рядом не останется никого, кто знает, что тебе нужно.

Она произнесла это тихо. Лев и Борис спорили у копировального аппарата, Инна ушла за бумагой. Но Матвей смотрел на неё и видел лицо.

Вера не ответила. Она сняла крышку со стакана Руслана, понюхала кофе и поставила обратно. Потом попросила у автомата пустой пластиковый стакан, налила воду и вернулась в комнату.

На втором листе временных правил появилась новая строка: любые организационные сообщения участникам отправляются одновременно Матвею, Льву и Руслану; изменения заявок сохраняются вместе с исходным текстом. Ася должна была прочитать строку и подтвердить, что получила её.

Она поставила подпись быстро, почти не глядя.

Встреча продолжилась. Теперь, когда Матвей задавал вопрос, Вера сначала ждала, пока он закончит. Не угадывала последнюю часть, не превращала резкий жест в удобную просьбу. Красная точка камеры не делала её честнее. Она только напоминала, что точность можно отделить от доверия и проверить.

К вечеру они вышли из архивной комнаты. Охранник вернул Вере пакет с кнопочным телефоном. Печать не была нарушена. На столе рядом лежал лист ночного доступа, который она принесла утром.

— Кто это оставил? — спросила Вера.

Охранник пожал плечами.

— Женщина из координации. Сказала, ваш черновик.

На полях возле отметки «02:17» чужой рукой было написано: «Проверка пожарного датчика, Марина».

Вера знала почерк Марины по вчерашнему сообщению. Буква «М» там начиналась с высокой прямой черты. Здесь она была круглой, похожей на две сцепленные петли.

Она не стала спрашивать Асю. Сложила лист, попросила охранника назвать время передачи и записала его ответ на обороте.

Затем нашла Марину у стойки гостевого дома и показала приписку.

— Это не я, — сказала Марина. — И пожарные датчики ночью никто не проверял. Их проверяют из коридора.

— Вы готовы написать это сами?

Марина оглянулась на лестницу.

— Да. Но не здесь.

Они сели в маленькой комнате для белья, оставив дверь открытой. Марина написала четыре строки, время и фамилию. Вера не подсказывала ни одного слова.

Когда всё было готово, она передала копию Руслану, а оригинал оставила Марине. Матвею отправили фотографию с телефона юриста. Он ответил письменно: «Получил. Сохранить обе версии».

Вера перечитала сообщение. Не «я верю». Не «Ася виновата». Только действие, которое не зависело от чьей-то заботы.

Комната оставалась закрытой. Но теперь у неё было две двери.

Глава 6. Два сообщения

Руслан догнал Веру у выхода из административного корпуса. Один запечатанный конверт с записью он держал под плащом, второй остался у Бориса. Дождь закончился, но с козырька ещё падали тяжёлые капли.

— Матвей просит десять минут без фонда, — сказал Руслан. — Не для переговоров. Он хочет показать вам переписку.

— Где?

— В мастерской. Там есть комната отдыха, и он сам выбрал место.

Вера посмотрела на стеклянные двери. Ася стояла в вестибюле и читала временные правила, которые только что подписала. Лист держала близко к лицу, словно искала мелкую ошибку.

— Вы будете присутствовать? — спросила Вера.

— Да, если Матвей не попросит выйти.

— Тогда идём.

Они не стали ждать автобуса. До мастерской было меньше километра по дороге между одинаковыми домами. На перекрёстке Вера увидела серую машину Аси. Та медленно проехала мимо, не остановилась и свернула к гостевому дому.

Руслан заметил, куда смотрит Вера.

— Вы подозреваете её?

— У меня есть несколько событий, в которых она получила доступ раньше остальных.

— Это длинный ответ вместо «да».

— Потому что короткий ответ будет неточным.

— А мне казалось, переводчики любят короткие ответы.

— Мы любим ответы, после которых не приходится объяснять, что имелось в виду другое.

Руслан кивнул. Больше не спрашивал.

Мастерская занимала длинное кирпичное здание за котельной. Внутри пахло древесной пылью и машинным маслом. У входа Матвей разговаривал с женщиной в защитных очках. Она показывала на разобранный станок, он отвечал жестами и иногда писал на планшете. Никакого переводчика рядом не было. Женщина понимала его, пусть медленно.

Увидев Веру, Матвей закончил разговор, передал планшет женщине и повёл гостей в комнату отдыха. На двери висел лист: «Не занимать с 16:30 до 17:00. М. О.» Внутри стояли стол, чайник, три стула и шкаф с кружками. Матвей закрыл дверь, но не запер.

Он положил на стол свой телефон и спросил Веру, готова ли она смотреть сообщения без объяснений с его стороны.

— Сначала сами сообщения, потом ваши выводы, — ответила Вера жестами.

Руслан сел сбоку и раскрыл блокнот. Матвей показал экран.

Первое сообщение пришло три дня назад с номера, подписанного «Вера Мельник». На фотографии контакта была Вера: снимок с сайта бюро, сделанный лет пять назад. Текст состоял из трёх коротких абзацев.

«Матвей, Руслан усложняет разговор и настраивает вас на конфликт. Если вы хотите сохранить мастерскую, лучше провести первые встречи без него. Я смогу точнее объяснить семье ваши настоящие цели, если в комнате будет меньше людей».

Ниже стояло:

«Пожалуйста, не отвечайте на этот номер. Он только для рабочих уведомлений».

Вера перечитала дважды. Ей стало жарко, хотя батарея в комнате была холодной.

— Я этого не писала.

Матвей поднял ладонь: он просил сначала смотреть без объяснений. Вера кивнула.

Второе сообщение пришло вчера вечером, уже после находки телефона.

«Вы видите, что Руслана не пропускают из-за его резкости. Не спорьте с охраной и не требуйте записи. Чем больше вы настаиваете на особых условиях, тем меньше шансов сохранить людей. Я беру ответственность за точность на себя».

В конце была фраза: «Доверьтесь мне хотя бы до подписания рамочного соглашения».

Вера отодвинула телефон.

— Я не использую с клиентами слово «доверьтесь», когда речь идёт о проверке моей работы.

Матвей спросил: это доказательство?

— Нет. Это признак, который можно сравнить с моими письмами. Доказательством будет происхождение сообщений.

Он пролистал экран. Номер начинался с того же кода, что и её кнопочный телефон, но последние цифры были другими. Вера переписала его в тетрадь.

— Когда вы увидели первое?

Матвей показал время. Сообщение пришло за час до их знакомства в переговорной.

— Почему вы не спросили меня сразу?

Он ответил, что спросил о требованиях, которые якобы не дошли до неё. Её реакция показала: либо сообщение не её, либо она лжёт. Он решил не выбирать между этими версиями без фактов.

Вера вспомнила его первый взгляд, лист с условиями и фразу о том, что Ася любит предупреждать о будущих событиях.

— Вы всё это время проверяли меня.

Матвей поправил: проверял не её как человека, а канал. Потом спросил, различает ли она эти вещи, когда дело касается Аси.

Вера не ответила сразу.

— Учусь различать.

Руслан повернул блокнот к Матвею. Там было написано: «Можно сделать копии?»

Матвей покачал головой. Сначала он хотел, чтобы Вера письменно подтвердила, какие сообщения не её. Не переводила его мнение и не объясняла мотив отправителя — только отметила свои и чужие слова.

Вера взяла чистый лист.

«Я, Вера Мельник, не создавала и не отправляла два показанных мне сообщения с номера…» Она вписала номер, дату и время каждого сообщения. Затем добавила: «Фразы о проведении встреч без Руслана, отказе от требования записи, принятии мной ответственности за точность и доверии до подписания не выражают мою позицию».

Матвей прочитал. Указал на слова «не выражают мою позицию» и спросил, могла ли она произнести что-то похожее устно.

— Нет. Но лучше убрать эту строку. Она спорит о смысле. Оставим только факт: я не писала и не отправляла.

Она зачеркнула предложение, поставила рядом инициалы и переписала подтверждение начисто. Руслан отметил время. Матвей сфотографировал лист рядом с экраном, не передавая телефон никому.

Потом он открыл сведения о сообщениях. Обычная служба коротких сообщений не показывала отправителя, кроме номера. Руслан предложил запросить данные у оператора, но предупредил: быстро их не дадут, а без официального разбирательства могут не дать вовсе.

— Можно проверить проще, — сказала Вера. — Кто знал номер Матвея и видел мою фотографию на сайте?

Матвей жестом остановил её.

Вера поняла ошибку.

— Это уже поиск виновного. Сначала список тех, у кого был доступ к данным. Его составляете вы, не я.

Матвей кивнул. Написал на листе: фонд, Руслан, бюро переводчиков, Ася. Потом добавил водителя и охрану, зачеркнул водителя, снова вернул. Он не хотел сокращать список по впечатлению.

Руслан спросил, кому Матвей показывал первое сообщение.

Тот ответил: никому. Второе показал мастеру участка Нине, потому что в нём говорилось о рабочих местах. Нина посоветовала сохранить телефон и не отвечать.

— Значит, отправитель не знает, поверили вы или нет, — сказала Вера.

Матвей показал: возможно, знает по его действиям. Он всё равно потребовал Руслана и запись, значит, сообщение не сработало.

В коридоре за дверью что-то упало. Все трое замолчали. Матвей открыл дверь. На полу лежала металлическая кружка. Дальше по коридору никого не было.

Руслан поднял кружку платком.

— Театр начинается, — сказал он.

Вера посмотрела на него.

— Не начинайте сами. Кружка могла упасть с подоконника.

Подоконник был пуст и находился в двух метрах от двери. Руслан поставил кружку у стены.

Матвей вышел в коридор, осмотрелся и подозвал Нину. Та узнала кружку: её держали в шкафу комнаты отдыха, на верхней полке. Утром она была там.

— Кто заходил? — спросила Вера.

Нина пожала плечами.

— Полцеха. Здесь чайник.

Матвей показал расписание на двери.

— После половины пятого я никого не видела, — сказала Нина. — А что случилось?

— Пока ничего, — ответила Вера. — Запишите, пожалуйста, что помните сами, и время.

Нина посмотрела на Матвея. Он подтвердил просьбу. Она взяла лист и ушла к своему столу.

Когда дверь снова закрылась, Руслан спросил:

— Нам теперь каждую кружку оформлять актом?

— Нет, — сказала Вера. — Но если кто-то слушал за дверью, ему важно было узнать содержание разговора. Мы не будем давать ему больше, чем он уже услышал.

Матвей спросил, что именно она предлагает.

— Не обсуждать виновного. Сохранить сообщения. Проверить, можно ли безопасно получить у оператора сведения. И сообщить всем сторонам, что рабочие указания от моего имени действительны только в общем канале, где есть вы и Руслан.

Он показал на временные правила: такая строка уже есть для организационных сообщений.

— Тогда расширить её на переводческие советы. Я не должна советовать вам тайно от юриста или семьи. Если возникнет личная тема, она должна быть явно названа личной и не влиять на сделку.

Матвей спросил, зачем включать семью в канал, если подделка могла исходить от фонда.

— Чтобы ложное сообщение нельзя было прятать за словами «это между нами». Но канал можете выбрать вы. Главное, чтобы он не зависел только от меня.

Руслан предложил создать отдельный адрес электронной почты с доступом Матвея и резервным восстановлением через него самого. Матвей согласился при условии, что пароль введёт лично и никто не будет хранить его копию.

Вера не стала предлагать помощь.

Они составили короткое уведомление. Матвей написал первую версию сам: «Сообщения от имени переводчика, полученные вне согласованной переписки, не считаются рабочими и должны подтверждаться Верой при моём присутствии».

Вера попросила заменить конец. Её присутствие снова делало её единственным подтверждением.

После правки получилось: «…должны подтверждаться в общем канале, доступном Матвею Ордынцеву и его представителю».

Матвей отправил уведомление Льву, Борису, Инне, Асе и бюро переводчиков. Вера видела экран, но не касалась телефона.

Ответ Аси пришёл первым.

«Конечно. Я с самого начала просила всех ничего не решать без Матвея».

Через минуту она прислала второе:

«Вера, если кто-то пишет от твоего имени, тебе опасно оставаться одной. Я могу переселиться в соседнюю комнату».

Матвей показал Вере оба сообщения.

— Не отвечайте за меня, — сказала она.

Он поднял брови.

— Простите. Решение ваше. Если спрашиваете мой совет — не сообщайте, где я буду ночевать.

Матвей написал Асе: «Рабочие сообщения только здесь. Личные вопросы Вере задавай напрямую».

Ася ответила сердечком. Вера отвернулась от экрана.

Бюро переводчиков подтвердило, что номер из сообщений им не принадлежит. Руководительница бюро Галина предложила подключить специалиста для независимой сверки записи и попросила прислать правила хранения. Лев ответил одним словом: «Принято». Борис запросил копии подозрительных сообщений для службы безопасности.

— Не отправлять, — сказал Руслан. — Пока мы не зафиксировали телефон.

Матвей согласился. В общий канал написал, что оригиналы сохранены у него, копии предоставит после технической проверки.

Ася тут же спросила: «Какие оригиналы?»

Никто не ответил.

Через несколько минут она позвонила Вере на кнопочный телефон. Аппарат лежал выключенным в сумке, но после встречи Вера вставила аккумулятор, чтобы связаться с отцом. Экран засветился, и в тишине заиграла простая мелодия.

— Не обязаны брать, — сказал Руслан.

— Знаю.

Вера приняла вызов и включила громкую связь только после того, как спросила согласия Матвея и Руслана.

— Ты где? — спросила Ася вместо приветствия.

— С Матвеем и Русланом. Разговор слышат они оба.

Пауза длилась чуть дольше обычной.

— Зачем такая торжественность? Я хотела убедиться, что ты не одна.

— Убедилась.

— Что за сообщения упомянул Матвей?

Вера посмотрела на него. Он жестом показал: можно сказать факт, нельзя раскрывать текст.

— Кто-то писал Матвею от моего имени. Я подтвердила, что сообщения не мои.

— Что именно писал?

— Это пока не передаётся.

— Мне тоже?

— Всем.

Ася вдохнула в трубку.

— Вера, у меня есть доступ к заявкам и рассылкам. Если кто-то использовал твои данные, я могу найти быстрее Бориса.

— Тогда письменно перечисли, к каким данным у тебя есть доступ и кто ещё его имеет.

— Ты разговариваешь со мной как со свидетелем.

— Сейчас ты свидетель организационного процесса.

— А подруга где?

Вера посмотрела на закрытую дверь. За ней снова прошли шаги, на этот раз не скрываясь.

— Подруга не должна искать виновного раньше фактов.

— Значит, ты уже решила, что виновата я.

— Нет.

— Тогда скажи это нормально, без своих переводческих оговорок.

— Я не знаю, кто отправил сообщения.

Ася молчала.

— Я составлю список доступов, — сказала она наконец. — Но не через общий канал. Там Лев.

Матвей показал, чтобы Вера спросила почему.

— Почему не через общий канал?

— Потому что он увидит, какие у меня полномочия. У нас с ним сейчас конфликт.

— Он руководит фондом. Разве он не знает твоих полномочий?

— Формально знает. Но не всё делается формально. Ты уже видела.

Вера записала фразу дословно.

— Пришли список Руслану. Он сохранит и передаст Матвею.

— А тебе?

— Мне не нужен полный список, если я не расследую.

— Ты расследуешь меня с первого дня.

Связь оборвалась. Вера посмотрела на экран: вызов завершила Ася.

Руслан попросил разрешения записать содержание разговора по памяти. Матвей согласился. Каждый из них отдельно написал, что услышал. Вера не смотрела в лист Руслана, пока не закончила свой.

Версии совпали почти во всём. Руслан запомнил фразу «не всё делается формально» как «не всё у нас формально». Они отметили различие, не выбирая удобный вариант. Матвей, который слышал только голос Аси без перевода части разговора, записал то, что понял по заранее известному контексту, и отдельно указал границы понимания.

— Вот так должна была проходить каждая спорная минута с начала сделки, — сказал Руслан.

Вера перевела. Матвей ответил: тогда спорных минут было бы меньше.

Нина вернулась с листом. Она видела, как за пять минут до падения кружки по коридору прошёл Степан. Он нёс серый кабель и спросил, занят ли чайник. Нина сказала, что комната закрыта до пяти. Степан пошёл дальше. Больше она никого не видела.

— Тот же Степан, который подходил к дивану? — спросил Руслан.

— Да, — сказала Вера. — Но он работает с техникой во всех зданиях. Его присутствие объяснимо.

Матвей написал Степану сообщение и пригласил его в комнату. Тот пришёл через три минуты, держа моток серого кабеля.

— Нина сказала, вы искали чайник, — начала Вера после согласия Матвея.

— Хотел воды налить. Потом увидел бумагу на двери.

— Кружка стояла в коридоре?

— Какая кружка?

Руслан показал металлическую.

— Из шкафа. Я её утром туда поставил.

— Вы входили после половины пятого?

— Нет.

— Кто ещё знал, что мы здесь?

Степан пожал плечами.

— Ася спрашивала, свободна ли комната. Я сказал, Матвей занял.

— Когда?

— Минут двадцать назад. По телефону.

Вера отметила время. Это было уже после начала разговора, но до падения кружки.

— Она просила вас подойти?

— Нет. Я сам кабель нёс в серверную.

Матвей спросил, откуда Ася знала, что Степан находится в мастерской.

— Она всем звонит, — ответил он. — Координатор же.

Это было правдоподобно. И снова помощь Аси имела готовое служебное объяснение.

Матвей отпустил Степана и попросил Нину сохранить кружку в шкафу отдельно. Никаких следов они искать не стали: предмет прошёл через руки Руслана, а до того им пользовались десятки людей.

Вера вышла из мастерской, когда уже темнело. Руслан предложил довезти её до гостевого дома, но она отказалась от первого порыва согласиться. Не потому, что не доверяла ему, а потому, что хотела назвать причину решения.

— Подвезите, пожалуйста. Не хочу идти одна после сообщения Аси о моей комнате. И отметьте в нашем общем канале, что забрали меня в семнадцать сорок восемь.

— Чтобы я не стал ещё одним человеком, который знает, где вы находитесь, только по собственной версии?

— Именно.

Он написал сообщение при ней. Матвей подтвердил получение.

У гостевого дома Вера увидела Асю у стойки. Перед ней лежал лист ночного доступа и новый чистый бланк. Марина стояла напротив, скрестив руки.

— Я не буду подписывать задним числом, — сказала Марина.

Ася первой заметила Веру.

— Хорошо, что ты приехала. Объясни ей: нам нужно исправить ошибку в журнале, иначе служба безопасности решит, что ночью кто-то входил в твою комнату.

— Ночью кто-то приложил карту к замку, — сказала Вера. — Это уже записано автоматически.

— Но не вошёл. Марина вспомнила, что проверяла датчик.

— Я не вспоминала, — сказала Марина. — Ты предложила мне так написать.

Ася повернулась к ней.

— Я предложила возможное объяснение.

— От моего имени.

Вера достала тетрадь.

— Марина, запишите, пожалуйста, своими словами, что сейчас произошло. Ася, если у тебя есть версия, запиши отдельно.

— И ты положишь рядом две бумажки, будто правда где-то посередине? — спросила Ася.

— Нет. Правда не обязана быть посередине. Но версии должны иметь авторов.

Ася посмотрела на Руслана, потом на Веру.

— Матвей показал тебе сообщения?

В холле зашумел холодильник с напитками. Марина медленно опустила ручку.

Вера не ответила сразу.

— Откуда ты знаешь, что сообщения показаны мне?

Ася провела языком по губам.

— Он написал в общем канале, что есть сообщения от твоего имени. Логично, что ты их видела.

— Он не писал, сколько их.

Ася замерла.

Руслан открыл переписку на своём телефоне. В уведомлении действительно стояло множественное число: «Сообщения от имени переводчика». По нему можно было понять, что их больше одного.

— Написал, — сказал он.

Вера почувствовала одновременно разочарование и облегчение. Красивой ловушки не получилось. Остался только факт, который имел простое объяснение.

— Да, — сказала она. — Ты могла узнать из общего канала.

Ася усмехнулась.

— Спасибо, что разрешила мне не быть виновной хотя бы в одной фразе.

Она взяла сумку и ушла к лестнице.

Марина закончила запись. Вера прочитала её только после подписи автора. Потом на отдельном листе написала свою последовательность разговора. Руслан добавил время приезда.

У себя в комнате Вера включила кнопочный телефон. От отца было два пропущенных вызова. Она перезвонила, сказала, что работа затянулась, выслушала рассказ о новом поручне в реабилитационном центре и не стала говорить о своих страхах. Деньги за следующий месяц нужно было внести через двенадцать дней.

После разговора она открыла тетрадь на странице с двумя чужими сообщениями. В одном ей приписали совет отказаться от Руслана. В другом — отказ от записи. Оба делали её незаменимой и безответственной одновременно: только она якобы понимала Матвея, но проверить её было нельзя.

Такую Веру Ася часто хвалила. «Ты входишь в комнату и сразу знаешь, что всем нужно». Раньше эта фраза звучала как признание мастерства.

Теперь Вера написала под ней: «Знать раньше человека — значит говорить вместо него».

Она вычеркнула предложение. Слишком гладкое, слишком общее. Вместо него записала три факта: сообщения отправлены до знакомства и после пропажи телефона; номер неизвестен; Ася знает о них из общего канала и предлагает закрыто исправить журнал.

Затем добавила правило на завтра: ни одного рабочего совета Матвею без доступного ему подтверждения.

Два сообщения пытались сделать её голосом, которому верят без проверки. Вера впервые увидела, что это не власть. Это ловушка, закрывающаяся с обеих сторон.

Глава 7. Ночной стук

Вера проснулась не от стука, а от тихого металлического щелчка.

Кто-то вставил ключ в замок снаружи и не попал с первого раза.

Она лежала неподвижно, глядя в темноту. Красная цифра на электронных часах показывала два семнадцать. В коридоре не было слышно ни шагов, ни разговора, только ключ снова коснулся металла. На этот раз язычок замка дрогнул. Ручка медленно пошла вниз.

Вера села. Стул, который она перед сном поставила под ручку, наклонился и упёрся спинкой в дверь. На ковёр соскользнула сумка. Звук получился глухим, но человек снаружи остановился.

Вера потянулась к кнопочному телефону. Аккумулятор был вставлен, звук выключен. Она набрала номер стойки и не нажала вызов. Если у двери стоит Марина, звонок решит всё за минуту. Если не Марина, звонок предупредит того, кто уже знает внутренний номер гостевого дома.

Ручку отпустили. Через несколько секунд ключ снова вошёл в скважину, теперь уверенно. Замок повернулся на четверть оборота и упёрся во внутреннюю защёлку.

Человек снаружи не постучал и не назвался.

Вера нажала запись звука. На экране появилась красная точка. Она положила телефон на тумбочку, чтобы не держать его в дрожащей руке, и сказала достаточно громко:

— Кто там?

Ключ вынули.

За дверью отступили. Шорох одежды, два быстрых шага, тишина.

Вера не подошла к глазку. Вечером она проверила его и увидела, что снаружи стекло закрывается ладонью за секунду. Вместо этого она включила свет, надела брюки и свитер, сунула ноги в ботинки. Потом написала в общий канал Матвея и Руслана: «В 02:17 неизвестный пытался открыть мою дверь ключом. Я внутри. Дверь не открываю. Позвоните дежурному и попросите сохранить журнал замка до любых исправлений».

Сообщение не ушло. Значок рядом с ним остался серым.

Вера посмотрела на полоски связи. Их не было.

Она выключила и снова включила телефон. Сеть не появилась. Подошла к окну, не раздвигая штор. Ничего. Вчера вечером связь работала у кровати и у двери. Гостевая сеть на найденном смартфоне была отключена, сам аппарат лежал в запечатанном пакете у Руслана. Кнопочный телефон умел только звонить и отправлять короткие сообщения.

В дверь постучали три раза.

Не ключом. Костяшками пальцев.

— Вера, это я.

Ася.

Голос прозвучал приглушённо и торопливо.

— Не открывай сразу. У тебя всё нормально?

Вера посмотрела на часы. Два двадцать.

— Почему ты здесь?

— Мне Марина позвонила. На стойке сработало уведомление, что дверь открывают аварийным ключом. Она испугалась идти одна. Я была рядом.

— Где Марина?

— Внизу. Она проверяет журнал.

— Позови её сюда.

— Сначала дай мне войти. Я посмотрю замок.

Вера присела и подняла сумку со стула. В ней лежали тетрадь, паспорт, запасной телефон без аккумулятора. Ничего не пропало. Она вернула сумку на кровать и сказала:

— Я дверь не открою, пока не придут Марина и ещё один человек.

— Я и есть второй человек.

— Ты пришла с запасным ключом?

За дверью стало тихо.

— Да. Марина дала. Если замок заклинит, тебя нужно вывести.

— Положи ключ на пол перед дверью и отойди к лестнице.

— Вера, ты слышишь себя? Кто-то пытался к тебе войти, а ты устраиваешь мне проверку.

— Именно поэтому положи ключ на пол.

Ася коротко выдохнула. Металл звякнул о плитку.

— Положила.

— Отойди к лестнице.

— Хорошо.

Шаги прозвучали отчётливо. Вера подождала, пока они стихнут, но дверь не открыла. Она позвонила Марине. Вызов даже не начался: сеть по-прежнему отсутствовала.

— Ася, позвони Марине при мне. На громкой связи.

— У меня тоже не ловит.

— Тогда постучи в соседнюю комнату.

— Там никто не живёт.

Вера знала, что слева действительно было пусто. Справа вечером поселился водитель из областного центра, который привёз оборудование для мастерской. Его имя она не спросила. Теперь это казалось важным упущением.

— Справа есть постоялец.

— Не надо будить чужого человека. Он ничего не знает.

— Поэтому он и нужен.

Ася не ответила.

Вера подошла к стене и ударила ладонью три раза. Потом ещё три. Из соседней комнаты донёсся скрип кровати. Мужской голос спросил:

— Что случилось?

— Пожалуйста, не выходите сразу, — сказала Вера громко. — Назовите ваше имя и позвоните на стойку со своего телефона. Кто-то пытался открыть мою дверь.

— Денис. Сейчас.

Ася вернулась от лестницы.

— Ты решила собрать весь дом?

— Я решила, чтобы событие не осталось разговором между нами.

За стеной Денис разговаривал с кем-то. Слов было не разобрать. Потом он сказал:

— На стойке не отвечают.

— Сеть есть?

— Нет. Телефон пишет «только экстренные».

— Не выходите, пожалуйста. Запишите время звонка и то, что ответа не было.

— Запишу.

Ася снова постучала.

— Открой хотя бы цепочку. Я покажу, что одна.

— В этой двери нет цепочки.

— Тогда защёлку. Я отойду.

— Нет.

Снизу хлопнула дверь. Послышались тяжёлые шаги, затем голос Марины:

— Вера Андреевна? Это я. Со мной Виктор Сергеевич из охраны.

Вера узнала Марину. Второй голос назвал номер смены и попросил не открывать до его команды. Он говорил сонно, но без раздражения.

— Ася где? — спросила Марина.

— Здесь, — ответила Ася. — Ты зачем всем звонила? Я уже пришла.

— Я тебе не звонила.

Никто не заговорил сразу.

Вера почувствовала, как холодеют пальцы. Она прижала ладонь к груди, чтобы не потерять ровный голос.

— Марина, вы передавали Асе запасной ключ от моей комнаты?

— Нет. Я вообще не брала ключи. Виктор Сергеевич открыл шкаф при мне.

Охранник сказал:

— Аварийный комплект сейчас у меня. Пломба была целая.

Вера посмотрела на щель под дверью. Там лежал ключ, который Ася назвала запасным.

— Перед моей дверью на полу ещё один ключ. Не трогайте его руками.

Охранник присел. По тени под дверью Вера увидела движение.

— Вижу. С биркой двести четырнадцать. Это ваш номер?

— Да.

— Не трогаю.

Марина спросила у Аси:

— Откуда он у тебя?

— Из нижнего ящика стойки. Ты сама показывала, где дубликаты.

— Там старые ключи от мебели. От комнат аварийные в шкафу под пломбой.

— Значит, этот не от двери.

— Им пытались открыть дверь, — сказала Вера. — Я слышала поворот замка до того, как Ася назвалась.

— Ты утверждаешь, что это была я? — голос Аси стал тише.

— Я утверждаю последовательность. Сначала неизвестный дважды вставил ключ и опустил ручку. Через несколько минут ты назвалась и сказала, что Марина тебе позвонила. Марина говорит, что не звонила.

— Потому что мне позвонил автомат. Я решила, что уведомление настроено через неё.

— На какой номер пришёл автоматический вызов? — спросил охранник.

— На мой рабочий.

— Покажите журнал вызовов.

— Телефон внизу. Я выбежала без него.

— Как вы открыли входную дверь?

— Кодом.

— Код сменили вчера днём.

— Мне прислали новый.

Охранник больше ничего не спросил. Он тихо сказал Марине не отходить от лестницы, затем обратился к Вере:

— Вера Андреевна, я сейчас проверю коридор и площадку. После этого попрошу вас открыть внутреннюю защёлку. Стул уберите только по моей команде. Марина будет стоять напротив глазка, я — сбоку. Ася Крылова останется у лестницы.

— Денис из соседней комнаты тоже слышит разговор, — сказала Вера. — Пожалуйста, не просите его выходить, пока коридор не проверен.

— Принял.

Охранник прошёл до конца коридора, открыл дверь служебного шкафа, проверил лестничную площадку и вернулся. Вера слышала каждое движение. Он не пытался сделать происходящее менее страшным словами. Это помогало больше, чем обещание Аси всё решить.

— Коридор свободен. Открывайте.

Вера подняла стул. Сумка снова качнулась, и она придержала её ногой. Сняла защёлку, повернула ключ и приоткрыла дверь на ширину ладони.

Марина стояла прямо перед ней в сером халате поверх пижамы. Рядом, у стены, охранник держал фонарь и прозрачный пакет. Ася была у лестницы в длинном пуховике, надетом на домашнюю футболку. На ногах у неё были сухие кроссовки.

За окном шёл мокрый снег.

Вера посмотрела вниз. Перед порогом лежал латунный ключ с белой пластиковой биркой. На бирке чёрным маркером было написано «214». Ключ выглядел старым, зубцы были потёрты.

— Это он? — спросил охранник.

— Я не видела его в руке у человека, который пытался открыть дверь. После того как пришла Ася, она по моей просьбе положила этот ключ на пол.

Охранник кивнул Марине. Та включила на своём телефоне камеру, назвала дату, время, место и сняла ключ вместе с порогом. Потом охранник надел перчатки, поднял его и положил в пакет.

— Теперь замок, — сказал он.

Вера не позволила ему закрыть дверь. Она попросила сначала снять положение стула, сумки и защёлки. Марина прошла в комнату только после того, как Вера вслух дала согласие. Сфотографировала ковёр, царапину на ножке стула и внутреннюю ручку. Охранник остался снаружи.

Ася подошла ближе.

— Я тоже должна видеть, что вы фиксируете.

— Нет, — сказала Вера.

— Ты думаешь, я подложила ключ?

— Я не хочу, чтобы человек, чьи действия сейчас записывают, одновременно решал, что записывать.

— Ты уже назначила меня подозреваемой.

— Нет. Но ты сказала две вещи, которые Марина не подтверждает: что она тебе позвонила и дала ключ.

— Я объяснила про автомат.

— Автомат не мог дать тебе ключ.

Ася обхватила себя руками.

— Я нашла его в стойке, когда пришла. Хотела подняться к тебе, увидела уведомление на экране и взяла то, что лежало в ящике. Марина могла забыть, что оставила дубликат.

— Я не оставляла, — сказала Марина из комнаты.

— У тебя за стойкой беспорядок. Там кто угодно мог оставить.

— Поэтому сейчас никто не будет выбирать удобную версию, — сказала Вера. — Сначала журнал замка и записи входа.

Охранник осмотрел скважину фонарём. На металле были свежие светлые полосы. Он не стал говорить, когда они появились. Попросил Марину принести новый пакет для цилиндра и позвонить технику с городского номера.

— Журнал уже выгрузили? — спросила Вера.

Марина покачала головой.

— На стойке программа зависла. Экран чёрный.

— Не перезапускайте компьютер.

— Я уже хотела.

— Пожалуйста, не трогайте его до независимой копии. И не зовите Степана одного.

Ася резко повернула голову.

— При чём здесь Степан?

— Он обслуживает сеть и замки. Вчера он был у комнаты, где мы разговаривали.

— Вот именно. Он специалист, а ты запрещаешь ему работать, потому что решила собирать совпадения.

— Я прошу, чтобы он работал при свидетеле и не стирал исходные данные.

Охранник поддержал:

— Правильно. Позовём дежурного из районной службы. До него ничего не включать.

— Районный приедет утром, — сказала Марина.

— Значит, стойку опечатаем и будем сидеть до утра.

Ася посмотрела на часы.

— Вы понимаете, что завтра переговоры? Если гостевой дом останется без системы, никто не войдёт и не выйдет.

— Механический выход работает, — ответил охранник. — Вход будем отмечать на бумаге.

— Лев вас за это уволит.

— Пусть утром скажет сам.

Вера услышала в его голосе не смелость, а усталость человека, который слишком часто отвечал за чужие решения. Она спросила имя полностью. Виктор Сергеевич назвался Виктором Жарковым и показал удостоверение через раскрытую ладонь. Вера записала данные, не забирая документ.

Из соседней комнаты снова подал голос Денис:

— Мне уже можно выйти?

Виктор проверил площадку ещё раз и разрешил. Денис оказался невысоким мужчиной лет сорока пяти в спортивных штанах и куртке поверх майки. Он держал телефон и лист из гостиничного блокнота.

— В два двадцать четыре услышал, как женщина просит открыть дверь, — прочитал он. — В два двадцать шесть по просьбе Веры позвонил на стойку, ответа не было. Сети на моём телефоне не было с двух двадцати пяти до двух тридцати двух. Потом услышал, что пришли Марина и мужчина из охраны. До этого слышал два женских голоса, но не могу сказать, кто пришёл первым.

— Я пришла спасать её, — сказала Ася.

Денис взглянул на неё и дописал что-то в лист.

— Что вы добавили? — спросила Ася.

— Вашу фразу.

Вера едва не улыбнулась. Не от веселья — от точности, которая вдруг стала простой бытовой защитой. Ася привыкла превращать каждое событие в историю о том, как она оказалась рядом. Денис не спорил с историей. Он записал её автора.

Виктор предложил Вере перейти в другую комнату до замены цилиндра. Она согласилась только после осмотра нового номера и записи выдачи ключа. Комнату 219 открыли аварийным комплектом при Марине и Денисе. Внутри пахло пылью, на столе лежала инструкция к телевизору. Вера проверила окно, шкаф и санузел. Потом сама вставила ключ в замок, закрыла и открыла дверь.

— Ася туда не входила? — спросила она.

Марина открыла журнал заселения на бумаге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.